

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

ОГОНЬ И ВЕТЕР

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РУССКИЙ СОНМ

Русский Сонм

Иар Эльтеррус
Огонь и ветер

«Автор»

«Автор»

2013

Эльтеррус И.

Огонь и ветер / И. Эльтеррус — «Автор», «Автор»,
2013 — (Русский Сонм)

Русский Сонм – одно из самых загадочных явлений во Вселенной. Осколки Сонма – похожие друг на друга планеты, схожие группы языков, культуры, обычаи. И одна общая проблема: Русский Сонм кое-кому мешает. Мешает до такой степени, что его хотят уничтожить. Почему? Что такого особенного в этих планетах... и в тех, кто на них живет? Неужели та самая «русская душа»? И что может случиться, если Русский Сонм исчезнет? Бывшие сотрудники Официальной службы Берта, Ит, Ри, Скрипач и другие, оказавшиеся заложниками закрытого мира Терры-ноль, до какого-то момента об этом не задумывались, не до того было. В живых бы остаться, не до глобальных проблем. Не задумывались, пока сами против воли не стали участниками эксперимента, целью которого оказалось уничтожение миров Сонма. Эксперимента, который может убить душу Вселенной...

© Эльтеррус И., 2013

© Автор, 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть I	12
01	12
02	30
03	45
04	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая

Огонь и ветер

© Эльтеррус И., Белецкая Е., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

14 137
17 18 10... 15
87
16
...200
13 18 0 1
119 40 18
14.....

Ит
цифровые стихи

Терра-ноль, через 51 год
после Двадцатилетней Войны

В квартире омерзительно пахло.

Сознание, до этого затуманенное, стало выхватывать обрывками и клоками фрагменты того, что было вокруг, и накатило, снова накатило – то, что вроде бы удалось отогнать.

...Кажется, вчера Берта пыталась им о чём-то сказать. Но они были к тому моменту настолько пьяны, что она не сумела. Постояла в дверях кухни, неуклюже повернулась, задев костылём табуретку и чуть её не повалив... и ушла. Но сказать что-то точно хотела. Что?..

Неважно.

Застарелые запахи – табачный и водочный перегар, пыль, запустение, и ещё какая-то гадость, сальная и липкая... и ещё кошка, ну конечно. Сами-то уже настолько привыкли, что...

Какая разница?

Фишка подошла, с трудом переставляя артритные лапы, ткнулась мордочкой в ногу, тихо мяукнула.

– Коша... – прошептал он. – Чего, моя хорошая? Чего кошка хочет? Кушать?

Чёрно-белая кошка Фишка тёрлась о ногу – у неё чесались глазки. Надо промыть борной, чтобы не чесались. Кошка старая, ничего не видит уже давно, глазки гноятся от постоянных инфекций и от табачного дыма. Да, действительно, надо бы промыть... ванная занята. Подожду.

В помутневшем от грязи залапанном зеркале отразился слабый абрис его лица – опухшего, помятого, на скуле справа пожелтевший старый синяк, под глазами отёки. Заплыли глаза, как щёлочки. Сколько времени, интересно? И вообще интересно, сейчас – чего? Утро? Вечер? На улице темно, дождь стегает стёкла, осенний ветер набрасывается на стены...

Кажется, Берта хотела сказать, что надо заклеить окна?

Или нет?

...И кто там решил утопиться в этой проклятой ванной?..

С кухни доносилось слабое треньканье – видимо, Ри вновь взял гитару и пытался что-то изобразить. Выходило не очень. Ит прислушался. «Распахнуты двери настезь...» – расслышал он. Понятно, Ри старается подобрать одну из песен Сон де Ири, да вот только в таком состоянии он не то что подобрать что-то... странно, что гитару сумел из комнаты донести.

Фишка снова мяукнула и, подергивая хвостом, медленно прошествовала по коридору в сторону кухни. Точно, есть хочет. Старые животные «теряют тормоза», становятся в еде совершенно неумеренными, и Фишка не исключение. Когда он придёт за ней следом, она будет сидеть у холодильника и ждать. Ри ей точно ничего не положит (у него какой-то пунктик, он Фишку никогда не кормит), поэтому надо сейчас собрать мозги в кучу и тащиться выполнять прямые обязанности – кажется, в холодильнике, в Фишкиной кастрюльке, оставалась вареная

мойва. Фишка – это будильник. Просит жрать – значит, вечер. Точно, вечер. По утрам она обычно спит у Берты.

А сейчас её надо покормить. Обязательно. Иначе она обидится. Фишка никогда в жизни не царапалась и не мстила, но когда она обижается, у неё такая несчастная мордаха, что вынести совершенно невозможно.

Надо.

Надо, надо, надо...

– Мы живём ради старой кошки, – прошептал Ит своему отражению. – Признай очевидное.

Отражение молчало. Смотрело равнодушно и молчало.

Треньканье на кухне стало погромче.

Ясно. Фишка выражает своё нетерпение и пытается рассказать про кастрюлю с мойвой, а Ри хочет слышать не её, а то, что пытается спеть.

Кто кого переорёт.

– Сейчас, – шепнул Ит отражению. – Уже почти пришёл.

Дверь ванной приоткрылось, Рыжий, одетый в майку и тренировочные штаны, прошмыгнул в комнату Берты. Быстро проскочил, надо сказать. И пригнулся, словно под обстрелом.

Они опять поссорились?... Вроде нет. Не помню.

Кажется, я утром ходил в магазин. Точно, ходил. Вместе они ходили, Ри тоже пошёл. Понятно, зачем ходили – после этого Берта на него обиделась, и на Ри обиделась, и закрылась в комнате. Однако почему-то сейчас впустила Рыжего... и если причина та самая, то это совсем скверно.

Впрочем, в октябре у Рыжего других причин не бывает.

Он прислушался.

– Скажи ещё раз...

– Бедный ты мой... солнышко... бедный мой мальчик...

– Я не знал... я даже не думал... Бертик, малыш, я даже не думал... господи, только бы с тобой хотя бы пока обошлось... Я не могу терять больше... я ведь Ита тогда не понимал... теперь вот понял. Маленькая моя, не бросай нас, не уходи!..

– Солнышко, я уж как могу. Постараюсь... если бы от меня зависело... Родной, давай ты мне поможешь немножко? Мне с вами надо поговорить... со всеми...

– Нет...

Лампочка в коридоре давно перегорела, но в зеркале он всё равно отлично видел – себя. Испитое лицо, кое-как собранные в хвост давно не мытые и нечёсанные волосы, седых и чёрных примерно поровну; на левом виске – очень некрасивый, но уже побелевший и сгладившийся от времени шрам, и много мелких параллельных друг другу шрамов, где только можно – снятие метаморфозных форм «в полевых условиях» даром не прошло. Сейчас видна только «сеточка» на шее, остальное – под рубашкой.

От одного вида этой рубашки тошнит. От запаха тоже. Сколько он её не снимал? Неделю? Или уже больше?

Да, дружок, ты отлично справился, надо признать.

Дорога к итогу оказалась короче, чем ты думал, верно?

– Ит, кошку покорми! – крикнул с кухни Ри. – Она оборалась уже!..

– Сейчас, – отозвался он.

Кажется, это называется – опуститься? Ну да. Именно так это и называется. Мы опустились. Или, может, нас – опустили?

Впрочем, какая разница.

* * *

Фишка стояла у холодильника, трогала лапой дверь и мяукала – тихо, хрипло, но почти не переставая. Ри сидел на расшатанном стуле, подвязанном шпагатом, и меланхолично щипал струны. Петь он уже не пытался, понял, что ничего не выйдет. На столе перед ним был полный раздрай: две переполненные пепельницы (как же воняют... и как лень выбрасывать), открытые недоеденные консервы – килька в томате, шпроты; заветренные косо порезанные огурцы и сало, которое пахло так, что с души воротило ещё хуже, чем от бычков. Хлебные крошки, мутные рюмки, грязные вилки и тарелки органично дополняли пейзаж и замечательно в него вписывались. Не хватало, пожалуй, только, чтобы кто-то наблевал в углу. Для полноты картины. Натюрморт, мать его. Как же тошно.

Ит открыл холодильник, вытащил кастрюлю – да, на одну кормёжку рыбы хватит, и, кажется, в морозилке есть ещё. Надо сварить, пусть будет.

Фишка присела рядом со своим блюдечком (единственный чистый предмет на кухне, не иначе как Скрипач вымыл) и, тихонько урча, приступила к трапезе. Ит погладил её по спинке, выпрямился. Потянулся. Глянул на Ри.

– Ну и рожа у тебя, – со смешком констатировал он.

– Твоя будто лучше.

– Лучше. Мне хотя бы глаз не подбили в этой очереди.

– Если бы мне глаз не подбили, мы бы ничего не взяли, – Ри сунул гитару куда-то в угол, подцепил кусок сала, отправил в рот. – Будешь?

– А то.

– Рыжий?..

– Пока нет, у Берты сидит.

– Понял...

Выпили, не чокаясь. Водка была явно палёная, тёплая, но это уже давно не имело значения. Ит украдкой рассматривал Ри – да, и ему отражение, наверное, не соврёт. Лицо ничуть не лучше, чем у самого Ита, волосы тоже... разве что седина, пожалуй, выглядит пристойней. Точнее, будет выглядеть, если Ри удосужится хотя бы помыться.

Только вот на хрен ему это надо.

А бланш под глазом, надо сказать, очень эстетичный получился. Боевая рана. Медаль за доблесть.

Твою. Мать.

– Ит, ты съездишь со мной? – спросил Ри, глядя на друга поверх рюмки.

– Да, – кивнул тот. – Но ненадолго, сам понимаешь. На пару дней съезжу.

– Хорошо, – откликнулся Ри. – Тяжело в это время... одному.

– Знаю, – Ит кивнул. – Мне тоже.

– Всем тоже, – покивал Ри. – Прибрать там надо будет. Покрасить решётку, помыть... Слушай, а какие цветы, ты говорил, можно осенью сажать?

– Я завтра смотаюсь на рынок, там как раз бабки торгуют. Может, лилии куплю какие-нибудь. И ещё можно... у нас хоста большая разрослась, я её на две поделил и рассадил, а мелкие отростки пока что сзади, за камнем прикопал. Вот их заберём в Питер. Хорошо растут. А можно совместить. Давай перед дорогой метнёмся вместе на Белорусскую, рынок там рядом. Может, успеем...

– Хоста – это которая с большими листьями?

– Ага, – Ит зевнул. – Она цветёт ещё. Небольшие фиолетовые цветы такие. Немножко похоже на гицеру.

В кухню вошёл Скрипач, придвинул к столу табуретку. Сел. Молча налил рюмку водки, опрокинул себе в рот. Брезгливо оглядел стол, вытащил из пепельницы бычок подлиннее, закурил, жадно затянулся.

– Как там? – спросил Ит.

– Сказала, что сейчас подойдёт.

– Может, мы к ней...

– Попросила не ходить. Воняет от вас, уж простите, как от вокзальных цыган, – Скрипач скривился. – Пакость.

– А то ты утром был лучше, – хмыкнул Ри.

– Не был, – тут же отозвался Рыжий. – Но теперь я лучше. А вы оба... – Он безнадежно махнул рукой. – Впрочем, скоро я тоже буду... такой же.

Ит вяло пожал плечами.

Есть не хотелось совершенно, но он понимал – если сейчас пить «в сухую», может развести уже через час, а это слишком рано. Надо ещё посидеть с ними. Посидеть, поговорить, помолчать. Послушать гитару – смешно, какое там гитару, но ведь Ри не докажешь... да и была охота доказывать...

И ещё Берта хотела что-то сказать.

Скрипач только что про это напомнил.

Ит отставил рюмку, вытянул огурец, потом положил на сохлый кусок хлеба пару шпротин.

«Картошку, что ли, сварить? Надо бы, вот только возиться не хочется. Ладно, сварю. И мойву сварю. Буду сегодня хорошим».

– Жрать хотите? – осведомился он в пространство.

– Ну, не знаю. А что, есть идеи? – Скрипач закурил и поднял голову.

– Я сегодня добрый, – пояснил Ит, вставая. – Сейчас картошку отварю и коше рыбки. Кто не хочет дышать рыбкой, пшел вон отсюда. – Он с усмешкой глянул на Ри. Тот махнул рукой.

– Да ну на фиг, какая разница...

Пакет с картошкой обнаружился под раковиной. Картошка была... скажем, с глазками, подумал Ит. Вернее, проросшая. Сильно проросшая. С глазками и корнями. И вялая, какдохлая крыса. И пахла тоже какдохлая крыса. Видимо, что-то там сгнило, в этом пакете.

Он кое-как ободрал с картошки всё лишнее, пересыпал её в раковину и включил воду – если помыть, то пахнуть будет поменьше. Выкинул гнилушки и принялся не торопясь чистить то, что съесть теоретически могло бы получиться. Да, если сварить, будет нормально. А если ещё луку на сале поджарить, то будет совсем хорошо. Вопрос только в том, что лука нет, а магазины давно позакрывались.

Берта вошла в кухню, присела на свободную табуретку, привычным движением поставила костыли у стенки. Скривилась, помотала головой – пахло и в самом деле скверно.

– Гадюшник, – равнодушно констатировала она. – Рыжий, мы с тобой завтра тут помоем, пожалуй.

– Ага, – кивнул Скрипач. – Попробуем.

– Славно... Мальчики, я хотела поговорить с вами. Ит, выключи воду, мешает, – попросила она.

– Сейчас, – Ит кинул последнюю картошку в кастрюлю, завернул кран. – Извини, малыш. Я чего-то... задумался.

– Ничего. Так вот, нам надо поговорить.

Ри снова сунул гитару в угол и уставился на неё тяжёлым неподвижным взглядом.

– Про то, что с тобой? – напрямую спросил он.

– Нет, – она отрицательно покачала головой. – Про то, что со мной, и так понятно. В данном случае речь пойдёт не об этом. Вы достаточно трезвы, чтобы меня не перебивать, не тупить и нормально выслушать?

Ри медленно кивнул.

Ит, секунду помедлив, тоже.

И только Скрипач горько усмехнулся.

– Ты чего?

– А я не успел, – пояснил он. – Я же у тебя был...

– Я спрашивала их. – Она села поудобнее, вытащила из пачки сигарету, прикурила. Выпустила дым к потолку, закашлялась. «Так и не научилась толком курить, – подумал Ит, – и уже никогда не научится... Чёрт, не могу об этом, не надо, не надо, не надо, не надо...»

– Если вы помните, в тот год, когда мы уволились из официалки, я... утаила кое-что. – Она снова затянулась. – А именно – полный кодекс и свод законов работы Службы. Причём не только раздел для миров пребывания, а вообще полный.

Все синхронно кивнули.

– И что? – недоумённо спросил Ри. Потянулся было к бутылке, но Скрипач перехватил его руку – подожди, мол.

– Поскольку последние пять лет мне было практически нечего делать, – она невесело усмехнулась, – я потратила часть из этих пяти лет на изучение кодекса. Ну, надо же было чем-то себя занять?

– Мы это все видели, – согласился Ит. – Да, ты его читала.

– Читала, анализировала, прогоняла ситуации... он интересный, всё так. Но сейчас речь снова не об этом. Я сумела взломать закрытые разделы.

– Как? – удивился Ри.

– Мне было ужасно скучно, особенно по ночам. – Она пожала плечами. – Как ты мог заметить, с математикой у меня порядок.

– Ну да. К чему ты ведёшь это всё? – спросил Ри.

– Сейчас поясню. Ит, сядь, пожалуйста.

– Некуда.

– Тогда стой. Я нашла раздел, созданный руководством Службы исключительно для себя, любимых. Этот раздел посвящён так называемой посмертной ответственности и посмертному призыву к ответственности.

– На костях, что ли, плясать? – недоверчиво спросил Скрипач. – Чего только не придумают.

– Да нет, Рыжий, не на костях. Согласно информации из этого раздела каждого сотрудника Официальной службы теоретически можно призвать к ответу, даже если этот сотрудник погиб, был убит, попал в плен и погиб в плену, и тело утрачено. Срока давности посмертный ответ не имеет. То есть можно и через сто тысяч лет призвать кого-то к ответу подобным образом. Но за всю зафиксированную историю Службы было всего около тысячи прецедентов использования посмертных ответов. Даже не потому, что накладно. Причина иная. Мне продолжать?

– Никогда про это не слышал, – ошарашенно сказал Ит. – Странно... Берта, что это всё значит?

– Мне тоже это показалось странным. – Она окинула притихшую компанию взглядом. – Действительно, как можно призвать к ответу человека, который умер тысячу лет назад?

– И как же? – Ри склонил голову к плечу.

– Боюсь, ты сильно удивишься. По сути, Официальная нарушает закон по отношению к собственным же сотрудникам. Весьма серьёзно, надо заметить.

– Как именно? – спросил Ит, ощущая, что мышцы шеи деревенеют, а кровь приливает к лицу. – О чём ты говоришь?

– Да уж не о шаманских танцах с бубнами и не о вызывании духов столоверчением, – она усмехнулась, ткнула сигарету в переполненную пепельницу. – Всё проще.

– Ну? – Скрипач выжидающе посмотрел на неё.

– В возрасте ста пятидесяти лет у каждого, я подчёркиваю, у каждого сотрудника Службы берут материал на воссоздание. А прецедентов мало, потому что, как вы понимаете, вернуть получается всё равно не всех. Но...

– Что? – Ри вскочил. – Что ты сказала?

– Ри, сядь, – попросила она. – Не кричи, пожалуйста. То, что ты слышал.

– Без согласия?! Живой материал?

– Разумеется. А вернуть получается не всех, потому что срабатывает не всегда, – пояснила она спокойно. Даже, пожалуй, излишне спокойно. – Вы понимаете, к чему я веду?

Все молчали.

– Мы погибает, – Берта выпрямилась. – Весь этот мир погибает. Вы погибаете от тоски и боли. Не знаю, сколько мне осталось, но по ощущению – не очень долго. И я не хочу больше – вот так. Не могу. Мы должны что-то делать.

– Что ты предлагаешь? – севшим хриплым голосом спросил Ит.

– Я? Я предлагаю вам подумать, – Берта дёрнула плечом. – Мы решили, что всё потеряно... Может быть, мы ошиблись? Может быть, не всё?

Часть I Пепел

01

Шестеро

Москва – Санкт-Петербург

Небо безумного цвета

Ехать предстояло почти десять часов, и Ри с Итом, когда вышли из дома, не сговариваясь, завернули в кулинарию – во-первых, продуктов дома не было, а в дороге неплохо бы поесть, во-вторых, может получится купить «кое-чего», понятно чего. Берта не возражала, напутствий им не давала, условий не ставила и ругаться не пробовала... впрочем, она давно уже не ругалась. Нет, Ит, когда приедет, признается, само собой, но, кажется, ей уже почти всё равно.

Погода была так себе. Холодный ветер с реки, низкие тяжёлые тучи, в воздухе – словно водяная взвесь. Дождь не дождь, но штормовка через десять минут становится волглой, влажной, и волосы отсыревают, и холод пробирается куда-то внутрь, вглубь, словно хочет заполнить собой душу... впрочем, он и так давно там, и деваться от него совсем уже некуда.

Кулинария, которая находилась в левом крыле высотки на Котельнической, встретила их гулким просторным эхом. Влажный пол, полупустые прилавки, где-то вдалеке раздражённые голоса, звяканье молочных бутылок. И смесь запахов – непередаваема, потому что всё сразу, всё вместе. Сырость, свежий дрожжевой аромат хлеба, чесночный душок, квашеная капуста, плесень, мокрый камень, свежий земляной дух – картошку привезли и пересыпают сейчас в бумажные пакеты, по три кило... Всё и сразу, одновременно, и уже настолько давно буднично-привычно, что кажется чем-то само собой разумеющимся.

Им повезло, попали как раз на «после завоза». Удалось купить пирожков с печёнкой, батон ливерной колбасы и две водки по ноль пять. Водка была дорогая, поэтому очереди за ней не стояло. Ит знал, что через пару-тройку часов и эту разберут, но они оказались в магазине в самый разгар рабочего дня... в общем, взяли так взяли.

После кулинарии отправились на Белорусскую, а оттуда, рейсовым катером, на Миусы. Вернее, на ту часть Миусского кладбища, где хоронили «нехристей» – Кира, как рауф, в освящённой земле хоронить, конечно, никто бы не позволил, и хорошо, что нашлось место...

Какое, к чёрту, «хорошо»? Лучше некуда, ничего не скажешь. Ит вспомнил, как это было – и в который раз удивился самому себе. Нет, мы не люди всё-таки. Люди... реагируют не так. Это у людей бывает – вот эти все фразы, это смирение, это прораствание быльём, это псевдофилософское «ну, теперь уж ничего не поделаешь». А у них... Восемнадцать лет прошло после того, как гроб опустили в землю, а для Скрипача, да и для него самого это было словно вчера. И память не сгладилась, и время не вылечило.

«Никого оно не лечит, время», – мрачно подумал Ит.

Склероз лечит, это да... жаль, что у нас склероза не бывает. Для нас всё, что в прошлом, всегда «вчера». Насколько проще тем, у кого с памятью нелады.

– О чём думаешь? – поинтересовался Ри.

– О том, что нас убивают собственные же головы, – вздохнул Ит. – А мы, кажется, ничего не имеем против.

– А, ты вот про что. Ну да, всё так, – Ри покивал. – Я хожу на Фонтанку, туда, где это случилось... там на камнях царапины остались. Так вот, я помню даже, как каждый осколок

летел, где в воду упал... – Он помотал головой, зажмурился. – Двадцать лет, а словно вчера. Веришь?

– Верю, – кивнул Ит. – У меня то же самое.

Ит подумал – мы говорим про это каждый год. Каждую осень. Мы бы говорили чаще, наверное, но мы бережём друг друга, мы пытаемся беречь друг друга, и весь остальной год мы не говорим, мы молчим, но непроизнесённое всегда присутствует, и никуда от этого не деться.

Дождь припустил сильнее, они попробовали втиснуться под навес, но мест, даже стоячих, не оказалось, всё позанимали люди, севшие на катер раньше. Ладно, плевать. В машине будет сухо, ерунда.

– А эти чего не поехали? – спросил Ит. Спросил только для того, чтобы не стояло сейчас стеной между ними молчание, в котором есть место только для тоски и ни для чего больше.

Ри попытался улыбнуться, но ничего не вышло – вместо улыбки получилась жалкая вымученная гримаса.

– Брид опять придумал какую-то хрень, поэтому они сидят в вентиляции и делают вид, что сторожат квартиру. По-моему, они давно свихнулись оба. Ничем не лучше меня... или Рыжего.

Ит пожал плечами.

– Ну, мы все, в принципе, никогда особенно нормальными не были, – заметил он. – Просто сейчас...

– Просто больно очень. А когда больно, эти дела сильнее проявляются, – Ри поплотнее запахнул куртку. – Ит, вот ты... ну как тебе сказать... ты один нас тянул, по сути, эти годы. Но ведь тебе самому... не... не проще ведь? Как ты справился?

– Я не справился, – отрицательно покачал головой Ит. – Я тоскую точно так же. Кир, светлого ему пути, в своё время говорил, что я застрял в прошлом. А как можно не застрять, если так любишь кого-то? Другой вопрос, что я учился... учился молчать. Как видишь, научился.

– Н-да, – протянул Ри. – Когда-то, давным-давно, я считал тебя мямлей, помнишь?

– А как же, – кивнул Ит. – Смешно было, верно? Молодые и глупые.

– Не сказал бы. Ит, вот только как это получилось, что сейчас ты оказался сильнее нас всех? Это ведь действительно так.

– Не вешай на меня заслуги, которых я за собой не чувствую совершенно, – Ит поморщился. – Я ни разу не сильнее. Тебе просто так кажется.

– Да ладно, – отмахнулся Ри. – Как это – не сильнее?

– Ну, вот так.

– Как – вот так? Кто меня чуть ли не за руку водил полтора года, когда у меня крыша поехала? Кто Рыжего с наркотиков сдёрнул? Кто последние пять лет за Берту борется, как не знаю что? Ит, перестань. Это всё делал ты... и я тебе благодарен. Если бы не ты, мы бы сдохли. Все трое.

– Не очень много у меня получилось, – Ит потёр виски. – Тебя одного мне до сих пор отпускать куда-либо страшно, а ну как руки на себя наложишь? У Скрипача осенью крыша едет, плохо ему, и ничего не могу сделать... А Берта... Берта четыре года на одной ноге – и сейчас, судя по анализам, на одной ноге ей ходить осталось максимум шесть месяцев.

– Она не говорила... – прошептал Ри.

– Она и не скажет, – Ит опустил голову, плечи его поникли. – Слишком сильная, чтобы сказать. И гордая. Не смог я ничего сделать, Ри. Метастазы в лёгких. Врач сказал, что от пяти до семи месяцев.

– Когда сказал? – севшим голосом спросил Ри.

– Неделию назад. Теперь ты понимаешь, почему я могу поехать только на два дня?

Ри кивнул. Ит стоял перед ним неподвижно. Ри положил руку ему на плечо.

– Держись, – прошептал он.

– Ненавижу это слово, – поморщился Ит. – Никчёмное, пустое. Ты ведь понимаешь, откуда это всё на самом деле?

– В смысле?

– Они нас всё-таки убили, – Ит покачал головой. – Ну или почти убили. Ещё немножко, и убьют уже полностью.

Катер подходил к берегу, и надо было поторопиться – на причале толпился народ, стоявший в очереди на посадку. Подхватили рюкзаки, перепрыгнули на мокрые доски пристани, расплатились – теперь ввели новую систему, платить надо было не на входе, а на выходе. Пробрались сквозь толпу и вскоре уже стояли возле уродливого бетонного забора. Могила «нехристей» от посторонних глаз городское управление предпочитало прятать.

...Серо-чёрный гладкий камень, с которого улыбается своей замечательной улыбкой Кир. Камень мокрый, и поэтому кажется, что он улыбается и плачет одновременно.

«Кир, Кирушка... Как же было хорошо, родной, когда ты был с нами, и как же плохо теперь, без тебя. Но хорошо, если слово «хорошо» тут вообще уместно, то, что на твою могилу мы хотя бы можем прийти, а вот на могиле Фэба я не был лет восемьдесят. Или больше? Сбилась со счёта, дурак старый, но давно не был, и тоскую, как я тоскую – и по тебе, и по нему... Ты был таким добрым, таким замечательным, ласковым, понимающим. Ты оказался мудрее и прозорливее всех нас, и как ты берёг нас, скъ`хара, как заботился о нас, и как быстро ты научился понимать те вещи, которые, казалось, и понять-то невозможно... Когда был ты, даже моя старая боль, и та была как-то сглажена, потому что когда рядом с тобой столько счастья, сам становишься счастлив тоже, и... С тобой было легче. Правильнее. Спокойнее.

Когда ты был, весь мир был лучше.

А теперь...»

Ри стоял рядом с камнем и задумчиво кивал каким-то своим мыслям. Ит тоже постоял, помолчал. Потом принялся спешно приводить могилу в порядок – собрал раскисшие от дождя бумажные цветы, отнёс на мусорку. Обмахнул основание камня стёршимся веником, убрал с него налипшие листья. Вытащил из ножен небольшой самодельный нож и принялся обрезать лилейники, иначе листья полягут осенью, и весной будет чёрт-те что.

– Ит, ты скоро? – спросил Ри.

– Пять минут, – отозвался тот. – На той неделе сделать не получилось, втроем ездили. Рыжий опять своих бумажек натащил... Надо цветы обрезать, и я тебе ещё хосты эти выкопать должен. Ри, слушай, дойди до конторы, принеси ведро воды, а?

– Ладно...

Бумажные цветы, которые сейчас выбросил Ит, делал Скрипач. Научился во время своей полугодовой отсидки в дурдоме – там их заставляли крутить цветы для кладбищенских венков. И теперь он время от времени делал рейды по городу и покупал папиросную бумагу в канцелярских, если попадалась. Цветы эти, аляповатые, дурацкие, неживых кричащих расцветок, скапливались в сентябре и октябре в их комнате в огромных количествах. На могилу Скрипач их тоже отвозил – и весь сентябрь и половину октября могила напоминала то ли какой-то нелепый торт, то ли кабинет труда, в котором младшие школьники готовились к Первомаю. Ит всегда поступал одинаково. Он дожидался окончания обострения, во время которого Рыжий мог сорваться в любой момент и поехать в Миусы, а потом потихоньку приезжал сам и отправлял цветы в помойку. Вернее, уже не цветы, а груды раскисшей папиросной бумаги.

На самом деле (и Берта, и Ит прекрасно про это знали) у Рыжего был просто нервный тик – в эти периоды ему необходимо было что-то крутить в руках. Не имело принципиального значения, что именно – если бумаги не было, в ход шло всё, что угодно. В первые годы они со счёта сбились: изорванные в клочья полотенца, наволочки, вещи... Потом Рыжий впервые добыл где-то бумагу и сделал первый букет – четыре омерзительно розовые розы на толстых бумажных стеблях, крашенных акварелью.

– Молодец, – похвалил его тогда Ит. – Совсем другое дело.

...Ри принес воду в мятом зелёном ведре, поставил на землю. Сел на мокрую лавочку рядом с могилой, закурил. Дождь вроде бы стал потише, но облака и не думали расходиться, напротив – казалось, они опустились ещё ниже. Темнело.

– Ри, я уже почти всё, – Ит намочил тряпку и принялся с лихорадочной поспешностью мыть камень. – Сейчас... Найди у меня в кармане рюкзака сумку и газеты, надо будет хосты завернуть.

– Предусмотрительный какой, – похвалил Ри. Расстегнул карман – точно. Всё аккуратно лежало на месте, и сумка, и старая «Правда».

– А что делать, – Ит вылил оставшуюся воду в дренажную канавку. – Ну, вроде бы всё. Хорошо, что я ограду ещё летом покрасить успел. Сейчас делать меньше.

– И то верно, – кивнул Ри.

– Слушай, положи цветы к себе, – попросил Ит. – У меня бутылки, боюсь, помну.

– Нет вопросов...

На пассажирский терминал успели за десять минут до отхода автопоезда. Втиснулись в своё купе – полки им достались верхние, повезло – кое-как разложили вещи, отдали проводнику билеты. Караван тронулся.

– Нормально, – констатировал Ри, вытягиваясь на полке. – Хорошо ещё, что на десяти-часовой взять получилось. А то тащись четырнадцать часов, одуреешь.

– Билеты только дорогие, – посетовала снизу какая-то средневозрастная тётка. – Совсем очумели с билетами.

– Да нет, сударыня, нормально билеты стоят, – возразил Ит. – Это ж купе. Да ещё и с бельем. Да ещё на втором ярусе. Так что грех вам жаловаться.

– Ой, молодой человек, я хотела спросить вас... – Женщина сконфузилась. – Вы случайно туберкулезом не болеете? А то у меня ребёнок, и я...

– С какой радости вы это решили? – опешил Ит. Свесился с полки и с большим удивлением посмотрел на женщину.

– Ну... вы худой и бледный, у меня брат болел, умер, и я... простите, я теперь всех спрашиваю. – Она потупилась.

– Нет, я ничем не болею, – успокоил её Ит. Отвёл в сторону воротник пиджака. – Значок видите? У нас больных не держат.

– Ох, простите. Инспектор транспортного отдела, караванный. – Она смутилась. – Ну да, у вас же комиссии всякие... действительно. Просто вы выглядите... простите ещё раз...

– На работе устал, – Ит снова улыбнулся. – Но это мы быстро поправим. Мсье, лезьте вниз, и давайте угостим даму, – позвал он Ри. – Водку будете, или сгонять к проводнику за более благородным напитком?

* * *

– Ит, ну вот кой чёрт, а? – зло спросил Ри утром. – Зачем тебе понадобилось поить эту курицу и этого борова?..

– Затем, что это был самый простой вариант, – угрюмо отозвался Ит. Они стояли на открытой площадке и курили. Автопоезд подходил к городу, скрытому утренней дождливой серой мглой. – Зато мы точно знаем, что она... не из «этих».

– Достала твоя паранойя, – Ри глубоко затянулся. – У тебя куда ни посмотри, все из «этих».

– А вдруг?

– Да иди ты к шуту...

– Нет, ты подожди, – обозлился Ит. – Тебе мало того, что было? Не отворачивайся!.. Мало, спрашиваю?!

– Нет.

– Вот и заткнись тогда.

– Прекрати, я тебя прошу.

– Проси сколько угодно, – Ит сплюнул. – Сам знаешь...

– ...что это бесполезно. Проехали, – Ри в последний раз затянулся, швырнул окурочку вниз. – Ладно, пошли. Близко уже совсем.

...С вокзала отправились на Пушкинскую пешком – те же полчаса, а по дороге нужно было завернуть в пару магазинов, дома у Ри, конечно, не было ни крошки еды. Затарились – картошка, пара банок кильки, белая булка, свежая, ещё даже тёплая, только-только с хлебозавода, банка клубничного джема и круг сомнительной колбасы. Если поджарить, то сойдёт.

Дома Ри, едва войдя, тихо свистнул, а затем позвал:

– Эй, где вы там? Вылезайте, мы вернулись.

Ит, войдя следом за ним в просторную тёмную прихожую, по привычке осмотрелся. Да, всё так же. За двадцать лет тут не изменилось ровным счётом ничего.

Всё так же висит на вешалке её плащ – Ри его, кажется, и не трогал, только пыль метёлкой смахивал, всё так же стоят туфли, в рядок (она всегда была аккуратной), и зонт-трость прислонён к калошнице... если не присматриваться, то вполне может показаться, что она вот-вот вернётся, но только она никогда уже не вернётся, и...

Из четырёх дверей три, выходящие в прихожую, сейчас были плотно закрыты, лишь одна, ведущая в кухню, была приоткрыта где-то на две ладони. Из неё тянуло сыростью, сквозняком – видимо Ри, уезжая, не стал закрывать форточку. Свои вещи Ри сейчас бросил в угол, не глядя, и быстро пошёл на кухню.

– Ты бы хоть разулся, – проворчал Ит. Стащил с себя отсыревшие ботинки, тоже поставил в угол. И пошёл следом за Ри на кухню.

Тот стоял у мойки и пристально всматривался в решётку вентиляции.

– Ау, – позвал Ит. – Спят, что ли?

– Да, как же. Сейчас... Тринадцатый, Брид, вылезайте! Хватит притворяться.

В вентиляционном коробе раздался шорох, потом решётка дрогнула.

– Сейчас, – раздался сверху недовольный голос. – Лови давай. Ноги тут все переломались...

– Ой, не ври, что вы шнур не взяли, – проворчал Ри.

– Взяли. Тебе охота его сматывать и обратно запихивать? Нет? Тогда лови.

Решётка, наконец, уехала в сторону, и в отверстии показалась голова Брида – подвязанные запylённым носовым платком волосы, недовольное лицо. Он высунулся чуть дальше, и тут ему, кажется, дали сзади пинка – Ри едва успел подставить руки.

– Ещё раз так сделаешь, урою, – пообещал Брид.

– А ты мне на руку наступил, когда я спал... О, Ит, здорово! – Тринадцатый высунулся из отверстия. – Хорошо, что ты добрался. Так, мы сегодня спать к тебе.

– Это почему? – ревниво спросил Ри.

– Потому что он лежит смирно, в одеяло не заворачивается и руками не размахивает, – объяснил Тринадцатый. – А ты вертишься, как бешеная юла.

– Ну, да, – Ри понурился. – Что правда, то правда. На спинке дивана они от меня уже спасались.

Оба Мотылька стояли на полу и отряхивали запylившуюся одежду. Ит присел на корточки рядом, пожал им руки. Мальчишки, как звала их покойная ныне Джессика, за прошедшие годы почти не изменились, разве что суровости на лицах прибавилось да черты как-то острее стали. А так – всё то же. Рост – семьдесят сантиметров, пропорции ближе к гермо, чем

к человеку; тонкие андрогинные фигурки, и у одного, и у второго длинные волосы, у Брида – оттенка благородной меди, у Тринадцатого – угольно-чёрные... невероятные создания давным-давно умершего скульптора рауф, сумевшего соединить живое и неживое, и гениального дракона по имени Кэс, Мастера Инструментов, который сумел сделать неживые тела – живыми.

Невероятные-то невероятные, но... Например, осенью они мёрзнут. И спать любят у кого-нибудь под боком – вот только у Ри после смерти Джессики с головой стало неважно, а со сном и вовсе плохо, и был уже случай, когда он едва не пришиб Брида среди ночи... Когда батареи включают, они перетасят свою диванную подушку к батарее, но пока что спать для них – ужасное мучение.

Они маленькие. Слишком маленькие, слишком хрупкие, слишком беззащитные для этого мира. Ну, не совсем, конечно, беззащитные, но им всё-таки тяжело приходится, потому что Кэс как-то не планировал, когда переделывал тела, что им придётся уже даже не жить, а выживать в пустой квартире при плюс пятнадцати, в октябре... да ещё обогреватель, зараза, сгорел, да так, что не починишь, а к газу их Ри и близко не подпустит, потому что он ужасно за них боится.

Из-за того, что они – единственные оставшиеся от его семьи. От тех, кого он считал своей семьёй...

Давно уже нет на свете ни Мастера Криди, ни тихого Рокори; и пёс Джей, которого все так любили и который прожил тридцать пять лет, тоже ушёл туда, куда уходят все любимые животные; и Джесс нет... только они и остались. И Ри над ними трясётся, и переживает, и ревнует – пусть даже к Иту, но всё равно ревнует, потому что они уже давно часть его, как были раньше – частью её.

– Джема хотите? – предложил Ри.

– Хотим, – оживился Тринадцатый. – Ещё бы чаю хорошо. А то чахлый чихает.

– И зачем ты меня сдал? – с упреком спросил Брид. – Аспирина на ночь съём, и вся недолга.

– Ладно, – кивнул Ри. – Ну чего? Какие планы? Перекусим и поедем?

– Ну а как же, – покивал Ит. – Кладбище до какого часа?

– То ли до пяти, то ли до шести. Сейчас соображу... Так, сегодня пятница. Так что до шести, точно, – Ри кивнул. – Ит, тащи еду. Поесть надо, там ни одного кафе поблизости нет.

– Да уж, какой дурак пойдёт в кафе рядом с кладбищем, – покивал Ит. – Хотя... около Миусов есть.

– Если я правильно понял, там вообще мало кто знает, что за забором. Тем более что Миусы в центре города, а это...

– Вообще да, – кивнул Ит. – Да и таблички нет. Может, и не знают. Мелкие, вам картошки сколько?

– Одну на двоих, если она средняя, – Тринадцатый глянул на Брида. – Ну или по одной...

– Вы не съедите по одной, куда вам, – отмахнулся Ри.

– Просиди трое суток в вентиляции, – огрызнулся Брид. – И я на тебя посмотрю, сколько в тебя влезет...

...У них получилась какая-то помесь завтрака и обеда – споро нажарили колбасы, наварили картошки, а на десерт получились вкусные бутерброды с джемом. Кильку решили оставить на вечер, полбатона колбасы – тоже.

Поев, засобирались. Было уже одиннадцать утра, а дорога предстояла дальняя – больше двух часов в одну сторону. Джессику похоронили на Покровском кладбище, за городом, без ведома Ри – и тот, узнав об этом, едва выйдя из одного шока, чуть было не рухнул во второй. Кир тогда спас, потому что был рядом, Скрипач с Итом метались по городу в полной растерянности; они, конечно, ожидали любой подлости, что от Службы, что от некоторых из представителей местных властей, но чтобы такое... Джессику, их Джессику в тайне от них зарыли; без

нормальной церемонии, кремировав, увезли куда-то, и никто не знал, куда... какой сволочью и тварью надо быть, чтобы сделать такое с человеком – у них в головах это не укладывалось, что тогда, что сейчас... Всё тогда слилось воедино, в какую-то непередаваемую кашу. Промозглый, совсем как нынешний, октябрь, хмурые, равнодушные лица, «бензобак взорвался, просто несчастный случай, дело не будем открывать»... «это вы кому угодно можете рассказывать кроме нас, мы всю жизнь с этим всем проработали, взорвали катер, взорвали, понимаете?! открывайте дело, вашу мать!», «товарищ Соградо, не орите и не лезьте в это всё, если вам самому шкура дорога». Гатчина, Покровское кладбище, маленький унылый холмик желтоватой глинистой земли; табличка с намалёванной синей краской надписью – итог недельных поисков; отупевший от горя Ри, неподвижно стоящий под дождём и бессильно опустивший руки...

Прочь, прочь это всё, думал Ит, но воспоминания несли дальше – и сопротивляться им не было никакой возможности.

...Брид и Тринадцатый залезли в рюкзак Ри, прихватив с собой один из его зимних свитеров и поплотнее в него закутавшись; Иту достался рюкзак с водкой и цветами. До вокзала добрались пешком и удачно сели в последнюю перед перерывом электричку – на Гатчину проще всего было добираться местным поездом, – и как только сели, небо стало проясняться, вскоре тёмные облака разошлись, и выглянуло холодное осеннее солнце.

– Как всегда, – печально улыбнулся Ри. – Она как всегда... знает, что я к ней. Радуетя.

Ит кивнул. Да, за двадцать лет почти каждый раз так получалось – когда они ехали к Джессике, почему-то менялась погода. Может, она видит Ри откуда-то с неба, может, тоже очень по нему тоскует и разводит облака, чтобы сказать ему вечное, желанное – «я люблю тебя»...

От вокзальной площади ходил автобус, который сначала полчаса ждали, потом – полчаса ехали. Ри хотел открыть водку, чтобы погреться, но Ит не разрешил, у него насчёт церемоний и примет были свои законы, нарушать которые он ни в коем случае не желал.

Чёрный кованый заборчик, мраморная плита – и ещё одно улыбающееся родное лицо, которому теперь суждено улыбаться лишь с этой плиты. Снова кольнуло ощущением дичайшей несправедливости и неправильности происходящего.

«Так не должно быть, ни с кем не должно быть, так вообще не должно было быть, изначально, и будь я проклят, и будь проклят тот день сто двадцать с лишним лет назад, когда Скрипач сказал этот бред про лопату, а он, Ит, с пьяных глаз психанул и долбанул по себе так, что случайно пробил сюда дорогу, и будь проклята эта Терра-ноль, из-за которой одни беды, и будь проклят я, потому что, не будь меня, у всех всё было бы иначе, даже у Берты, и у неё всё было бы иначе, потому что она, наверное, прожила жизнь иную, и, возможно, даже счастливую, как знать».

«Виноват, виноват, во всём виноват, – твердил себе Ит. – Это всё из-за меня. Это из-за меня мы сейчас стоим возле могилы, это из-за меня у Ри сейчас такое лицо, это из-за меня, урод, Берта ходит на одной ноге, а Скрипач вертит бумажные цветы, это из-за меня в Кира тогда выстрелили новым патроном, это из-за меня у всех теперь такое горе, что справиться нет никаких сил, и даже Фэб, наверное, умер тоже из-за меня, не знаю, почему, но почему-то так кажется, причём чем дальше, тем сильнее. И бог ещё знает, что произошло по моей вине, а я тупой настолько, что не разобрался и не понял, и надо было наложить на себя руки не так, а по-настоящему, тогда же, в тот день, как Фэба не стало... и тем убережёт их всех от этой смертоносной воронки, в которую я всех затянул... нет мне прощения...»

Он отошёл в сторону, присел на корточки. Брид и Мотылёк стояли, ухватившись за металлические прутья забора, и ждали, когда Ри откроет, наконец, калитку, а Ри возился с ключами и всё никак не мог найти нужный. Бледные солнечные лучи касались его волос, рук – а руки-то трясутся – нежно, почти незаметно; странное какое-то всегда бывает осеннее солнце,

не согреть ему этот выцветающий, лишённый красок мир... Обнажённые деревья невдалеке, и земля вся усыпана листвой, совсем недавно ещё жёлтой и алой, как кровь, а теперь буреющей, увядающей. По границе оградки – выцветшая до белизны осенняя тонкая трава, которая уже норовит лечь устало, прикинуться к земле, под ногами – топкая грязь, и осколки неба отражаются в лужах, и на самом деле ничего уже не имеет значения, разве что камень и то, что лежит под ним... и ничего больше.

Холодно. Мотыльков жалко. Тринадцатый уже трясётся, кажется...

– Ну что, по сто грамм? – предложил Ит максимально бодрым голосом. – Мальчишки, будете?

– Будем, – отозвался Брид. – Зуб на зуб не попадает... конечно, будем.

* * *

Домой вернулись уже затемно, в девятом часу. Обратную дорогу молчали, да и о чём было говорить? Ехали себе и ехали; Ри, прижимающий к себе рюкзак с продрогшими Мотыльками, и Ит, который свой похудевший мешок закинул на полочку, чтобы не мешал. По дороге успели заскочить в магазин рядом с вокзалом – успели на последней минуте, уже ходила по торговому залу толстая тётка с ведром, собиравшаяся мыть полы, но кассу ещё не сняли, и они накупили всего, чего получилось. С продуктами в Питере дела обстояли почему-то лучше, чем в Москве.

Поминки всё-таки. Да, руки не из того места, но простое что-то изобразить ведь можно, правда?

Первым делом, конечно, загнали отогреться в ванную Мотыльков – Ри набрал горячей воды, выдал им пузырёк немецкого шампуня (не поверишь, только для этих оглоедов держу, сам «Ромашковым» голову мою, а им же надо, чтобы запах был хороший), и Брид с Тринадцатым зависли в ванной на полчаса. Вышли весьма довольными и сразу влезли на колени к Иту. Тот, впрочем, тут же приставил их к делу – невзирая на протесты, приказал порезать солёные огурцы для салата и, если получится, сыр, только мелко-мелко, потому что Ри тёрку не нашёл, а сыр надо крошить так, чтобы им можно было картошку посыпать, которая в духовке будет...

Через час обстановка на кухне выглядела следующим образом. Ри с сосредоточенным лицом мешал салат в большой эмалированной миске, Ит, уже успевший пару раз обжечь руку, тихо ругаясь, вытаскивал из духовки противень с картошкой и мясом, а Брид с Тринадцатым безуспешно пытались отпилить хотя бы один кусок от твердокаменного батона копченой «Лиговской». Причём Брид держал колбасу, а Тринадцатый возил по ней тупым ножиком – иначе у них не получалось.

Ит, наконец, вытащил противень и поставил на плиту. Подул на обожжённую руку, потом, прищурившись, с интересом глянул на плоды своих трудов.

– Пахнет неплохо, – одобрил он. – Хотя Рыжий, конечно, сделал бы лучше. О Берте я не говорю, у неё эта свинина вообще фирменное блюдо.

– Хорошо пахнет, – согласился Ри. – Соседи небось слюнки пускают. Ну чего? Садимся?

– Тут или в комнате? – спросил Ит.

– Тут, конечно, – Брид повернулся к нему. – Тут теплее, ты чего.

– И правда... Ри, тащи рюмки, хватит мучить этот салат! Нормально, съедим запросто, чего ты.

...Курить тоже решили в кухне – хотя обычно Ри выходил на лестницу. Мотылькам дым был вреден, случись с ними чего – никто не поможет, и Ри их берёт. Но раз в году можно покурить, почему бы нет?

– Я вот чего думаю, – говорил Тринадцатый, сидя по-турецки на столе у подоконника. – Ри, может, нам в Москву податься, а? И ребятам бы помогли, и сами бы... ну, ты понимаешь?

Ри горько посмотрел на него.

– Понимаю, – кивнул он. – Но я же опять сорвусь, ты же знаешь. Пройдёт месяц, ну два. И только вы меня и видели.

– Понимаю, – серьёзно кивнул Тринадцатый. – Но сейчас ситуация другая. Ребятам надо помочь. Это ты тоже понимаешь?

Ри снова кивнул.

– Мальчишки, на самом деле есть ещё одна причина, – решил, наконец, Ит. – Берта изучала Кодекс официалки и нашла там кое-что интересное. То есть очень интересное... Мне кажется, что нужно нам всем вместе это проверить и над этим подумать.

– А что она нашла? – оживился Брид.

Ит и Ри начали рассказывать – то, что сами сумели понять. Брид слушал неподвижно, подперев маленьким кулачком щёку, а у Тринадцатого на лице появилось всё усиливающееся волнение. Как в музыке – форте, форте, фортиссимо! Когда, наконец, Ри замолчал, Тринадцатый хлопнул по столу ладонью и категорически заявил:

– Ехать надо, чего там думать-то! Если есть хоть один шанс из миллиарда, всё равно!

– Милый, нас во внешку не пустят, – Ит отрезал кусочек картошки и положил на тарелку Мотыльку, но тот на кусочек, между прочим, самый симпатичный из тех, что лежали на противне, даже не взглянул.

– А какого чёрта мы у них должны спрашивать, куда они нас хотят пускать, а куда нет? – с вызовом спросил Тринадцатый. – Они нам не хозяева!

– Хозяева, к сожалению, – возразил ему Ри. – Законы никто не отменял, и согласно этому закону...

– А Джесс и Кира убивать – это было по закону?! – Брид, до этого момента молчавший, резко выпрямился. – А Рокори и Криди в тюрьме сгноить?! А тебя, Ит, на два года на Колыму отправить – это тоже по закону?

– Закон иногда ошибается, – примирительно сказал Ит. – Меня же выпустили.

– И тебе эта отсидка на пользу не пошла, как был бараном, так им и остался, – со злостью заключил Тринадцатый.

– Этим больше не наливать, – попросил Ит.

Мотыльки пили джем с водой, в который сейчас было добавлено понемножку водки. Совсем по чуть-чуть, по половине чайной ложки. Видать, и этой микродозы хватило, чтобы озвереть уже окончательно...

– Бараном, бараном, – подхватил Брид. – Тебя гонят, ты идешь. Ри, не хмыкай, ты не лучше. И мы... мы тоже не лучше, – горько заключил он. – Мы просто можем меньше. Потому что у нас меньше сил.

– Орать вы можете, – ухмыльнулся Ит. Впрочем, особенно весёлой ухмылки у него не вышло. – Мелкие, а горластые. Ри, чего задумался?

– А?.. Понимаешь, с одной стороны, Берта дала правильное направление. С другой стороны – это же невыполнимо. Миленькие мои, мальчики, ну правда, невозможно! Вы же знаете, как сейчас охраняются все без исключения площадки переходов!.. Туда на танке не подъедешь...

– На танке, предположим, мы бы с Рыжим и подъехали, вот только где его взять, – Ит покачал головой. – Единственное, что мне приходит в голову, – собрать бригаду и попробовать прорваться.

– Оружие? – тут же спросил Ри.

Ит ласково улыбнулся и потрепал Брида по макушке. И промолчал.

– Ит, ау? – позвал Ри.

– На идиотские вопросы не отвечаю, – безмятежно отозвался Ит. – Я их только задаю. Что у нас с деньгами?

– С какими? – уточнил Ри.

– Да уж не с местными.
Ри глянул на Брида с Тринадцатым. Те синхронно кивнули.
– И что это значит? – поинтересовался Ит.
– Деньги есть, – сообщил Брид. – Удалось спрятать. Но вслух я говорить не буду. Если потребуется мы... принесём.
– Сколько там, я спрашивать не стану. – Ит задумался. – Ри, подкуп?
– Типа того, – кивнул тот. – Мыслишь верно.
– Наших там было тысяч двести, – Ит задумался. – Нет, мало. Можно даже не начинать. На полноценный подкуп всё равно не хватит.
– Ну так мы едем или нет? – резко спросил Тринадцатый.
– А поехали, – вдруг решился Ри. – Знаете, ребята, вот бывает так, что одно к одному идёт. У меня сейчас... В общем, пару недель назад песню в одной компании услышал. Пристал к парню, который пел, – чья она? Оказался какой-то Писарев, Олег, что ли, или Алик, не помню, да и неважно это, наверное – стихи, они всё равно от автора потом отдельно живут... В общем, записал, выучил. Там слова... Чёрт, Ит, вот я помню, что ты говорил про случайности...
– Это не я говорил, это Линц говорил, – возразил Ит.
– Да хрена разница!.. Так вот их реально не бывает. Песня называется «Сказка о небе и крыльях». Сейчас гитару принесу и спою. Сам поймёшь.
– Давай, – согласился Ит. Пел Ри хорошо, пусть и непрофессионально. Очень хорошо – с какой-то затаённой внутренней силой и болью, последние годы – с болью, с нервом, так, что, казалось, из-под пальцев его в любой момент может политься кровь, потому что музыки не хватает...
Ри принес из комнаты гитару. Не такую уродку, как была у них на Котельнической, а хорошую, чешскую, медовосветящуюся, с ласковыми струнами. Несколько минут возился, подстраивая, а потом, без всякого предисловия, запел:

Небо такого безумного цвета
Бывает лишь только осенью...
Смотрит на нас сквозь уснувшие ветви,
Солнечно-синее с проседью...
И, расплываясь в глазах туманом,
Зовёт куда-то неистово...
Но...
Вскормлен рюмкой,
Склянкой,
Стаканом
Вечер ищущих истину.
А за порогом стоит листобой,
Пёстрый наряд – клочьями...
Глупо, наверное, спорить с судьбой,
Но... Почему-то хочется.
– Поздно! – шепнёт облетающий лист,
Небо горько расплачется:
– Из всех полётов остался лишь вниз...
Не перепишешь начисто...
У изголовья присядет печаль,
Тихо поделится истиной...
Ветер

Несёт
В леденелую
Даль
Перья с увядшими листьями¹.

– Но почему-то хочется... – беззвучно произнёс Ит, – неразличимым эхом. Как это верно...

– Ну? – Ри с тревогой посмотрел на него.

– Твоему этому Писареву памятник надо при жизни поставить. Гениальный же мужик. Ри, ты прав. Точнее не скажешь. Действительно, точнее не скажешь... просто потому, что невозможно точнее сказать.

– Так вот и я о том же, – Ри положил гитару на колени, придерживая рукой струны. – По-моему, это знак. Знаков надо слушаться.

– Согласен, – Ит задумался. – Ладно, вернёмся с небес на землю. Что с твоей работой?

– Пока ничего, – пожал плечами Ри. – Могу позвонить из Москвы, извиниться, сказать, что заболел... сейчас не сезон, синхронистов, кроме меня, в конторе и так хватает. Летом бы не отпустили, сейчас – отпустят.

– Мне будет сложнее, но я тоже решу, – Ит призадумался. – Хотя, собственно, чего решать. Принесу Бертину справку, возьму за свой счёт полгода – мол, с женой побыть. Уход, опять же. Я в любом случае собирался это сделать, но не сейчас, через месяц где-то. Могу и сейчас, не проблема, дела у меня всегда в порядке.

Про Скрипача они не говорили.

Скрипач уже давным-давно не работал – с его диагнозом его никто на работу не взял бы. Вернее, будь он человеком, причём местным, взяли бы, но... но не его. И не с вялотекущей шизофренией, которую ему диагностировали шестнадцать лет назад. Сумасшедший «гость» давно оказался никому не нужен...

Ит справедливо полагал, что на самом деле никакой шизофрении у Скрипача, конечно, нет, а есть неврозы, которые вполне можно полностью вылечить, но спорить с местными на эти темы было совершенно бесполезно.

Собственно, полноценно работал сейчас только Ит – его зарплаты, пусть и с трудом, кое-как хватало на четверых. Он работал инспектором внутренних перевозок в Ространсе, куда его приняли по старой памяти, и тут очень пригодились его аккуратность и педантичность – вёл документацию он исправно, спуску никому не давал, был точен, непредвзят... а большего от него и не требовалось. Раньше, ещё до смерти Кира, они со Скрипачом какое-то время работали шофёрами, но продлилось это лет десять, не больше.

Это уже когда все разработки окончательно прикрыли, мета-порталы опечатали; когда все войны и стычки остались в прошлом.

Когда стало достоверно известно, что открыть систему мета-порталов нельзя. Никак нельзя. Вообще. Совсем.

От них вроде бы отстали... Вроде бы.

Именно что вроде бы.

Ри после всех мытарств подвизался переводчиком в агентстве, возившем многочисленных туристов по питерским историческим местам, вот только работа эта была сезонная – если летом и в праздники туристов было множество, и он на работе совершенно зашивался, то в межсезонье делать ему было особенно и нечего. А уж когда закрывали навигацию (экскурсии, разумеется, были все водные, Северная Венеция, конечно), ему и вовсе оставалось только

¹ Стихи Олега Писарева.

сидеть дома, пить потихонечку, возиться с Мотыльками да бренчать на гитаре... Хорошо, не бренчать. Играть.

Какая разница?

В результате Ит минимум полгода кормил всех. Это его совершенно не тяготило, если он из-за чего и переживал, так только из-за того, что денег получается меньше, чем хотелось бы, а надо вывезти летом Берту и Рыжего куда-то отдохнуть и полечиться, хоть в ту же Прибалтику, надо погасить долг по квартплате у Ри, потому что был случай, когда ему свет отрубили, надо справить всем на зиму новую одежду... Много чего надо. Скрипач последние годы сокрушался, что они втроём совсем Ита загоняли, и даже попытался устроиться дворником, вот только ничего хорошего из этого не получилось. В самую страду, во время листопада, у него как раз начиналось это треклятое обострение, и он вместо работы был вынужден сидеть дома, неделями не показываясь на улице – конечно, его тут же попросили вон, и с работы пришлось уволиться.

– Ладно, с работой разберёмся, – Ри встал. Поставил гитару к холодильнику, потянулся, с трудом распрямляя затекшую спину. Зевнул – всё-таки зря они пили в автопоезде, с этими уродами. – Ну что, пошли спать?

– Пошли, – согласился Ит. – Через минуту. Что завтра делаем?

– Мне надо собраться, мальчишкам тоже... – начал Ри.

– А у нас нет денег на двухместное купе? – жалобно спросил Брид. – Я понимаю, что дорого, но... Ит, очень трудно десять часов в рюкзаке. Правда.

– Ри, у тебя деньги есть? – спросил Ит.

– Тридцать рублей.

– И у меня четвертной, – подытожил Ит. – Билеты вроде бы по двадцать были... А, ладно! Гулять так гулять. Так. Я тогда утром еду на вокзал, беру СВ на вечер, ага? Вы собираетесь.

– Нам ещё нужно кое-что кое-откуда достать, – напомнил Тринадцатый.

– Ах, да. Вы достаёте... кое-что, мы собираемся. Потом, ближе к вечеру, едем на Московский.

– Не ближе, а вечером, – поправил Ри. – Мне ещё кое-куда надо в городе будет зайти. Потом расскажу.

– Хорошо, – кивнул Ит. – В общем, определились, как я понимаю.

– Ит, иди, мойся, – попросил Тринадцатый. – Как твоя спина?

– Как всегда осенью, – Ит безнадежно махнул рукой.

– Ладно, разомнём, так и быть, – Брид ухмыльнулся. – Долг платежом красен.

– Это было бы хорошо, – Ит с надеждой посмотрел на него.

– А чего не попросил? – упрекнул его Брид.

– Не решился. Вы оба тоже затурканные, чего я вас дёргать буду.

– Всё, иди. От затурканного слышу, – Брид взял с тарелки кусочек хлеба с джемом, положил себе в рот. Блаженно прищурился. – Ты ещё тут?

* * *

Часом позже Ри вышел из ванной, на ходу вытирая полотенцем волосы, и направился к себе в спальню. Рядом с комнатой, в которой ночевал Ит и оба Мотылька, он остановился. Прислушался – из комнаты доносились какие-то звуки.

– Ох, хорошо... Брид, спасибо, родной, замечательно... уй, ну не надо так сильно-то!..

– Ты ему пяткой по этому диску врежь, не получится...

– Уй-яааа! Звери, имейте совесть!..

– Ты спать ночью спокойно хочешь? Вот и молчи. Сам напросился...

– Это ты предложил, мелкое чудище... о, вот так гораздо лучше... вот почему нельзя та-а-а-ак... как сейчас, и за что вы меня ногами бьете?..

– Кончай ёрничать, надоел, сил нет!.. И расслабься ты уже наконец, зажался, как лягушка в банке! Руки вытяни и не дёргайся... освободи спину, сколько лет тебе про это можно говорить? Ты чего, тупой?.. Не понимаешь?

– Да всё я... понимаю... а можно ещё вот так, а?.. чтобы не больно, а приятно...

– Тут тебе не баня, чтобы приятно!.. Если только приятно, то не поможет, а если сейчас всё сделать как надо, неделю спина болеть не будет...

– Изверги... Тринадцатый, ты садюга... я тебе это потом... ох... припомню...

– Изверги были те, которые тебе трубой по спине врезали. – По голосу было слышно, что Брид, видимо, всё-таки сжалился. – Ещё пять минут потерпи, и всё. Тринадцатый, добудь какой-нибудь свитер в шкафу, чтобы он потом надел...

– Может, одеяла хватит?

– Не хватит, пусть прогреется получше...

– Мелкие, я ж не со зла... правда, больно... вот эта вот точка, по которой пяткой... уй... как раскалённым гвоздем...

– Ну, правильно, она проблемная... вот и больно... Ит, последний раз прошу, расслабься! Ну не будет больше так больно, чем хочешь клянусь!...

– Всё, всё, лежу и не дышу, – сдался Ит. – Мучители...

– Что-то мы с тобой давно не щекотали этого гермо... давай на «раз-два-три» с двух сторон, – хреновый из тебя заговорщик, Тринадцатый, если бы молча, то запросто подловили бы.

Ри усмехнулся.

– Не, не надо. – А вот Брид, кажется, настроен серьёзно. – А то вся работа насмарку пойдёт...

Ри подошёл к двери в свою спальню и замер на пороге. Вспомнилось – сорок с лишним лет назад, на этапе очередных переговоров с Альянсом, уже после войны, когда доказывали невозможность активации порталов... доказывали долго, лет пятнадцать, и одной, и другой стороне, объясняя раз за разом: нет, активировать порталы невозможно, для этого не хватает элементов, и никогда не будет хватать, потому что элементов не существует в природе; наши совпадения с порталами – случайность, и не более того... Огромная серия экспериментов (дело тогда перешло на международный уровень), призванных доказать лишь одно – система безопасна, она никогда не сработает.

И вот тогда Ит, если можно так сказать, подставился.

Их в те времена ещё выпускали за границу, и он по своей воле пошёл на переговоры с Альянсом – пошёл только из-за Украины, на самом-то деле, потому что трепали Украину, трепали серьёзно и долго, и он поехал, ни много ни мало, в Германию.

А когда вернулся, его тут же взяли.

Был какой-то странный закрытый суд, была припаяна «измена Родине» (какая родина, о чём вы вообще, я же миллион раз говорил, что... это абсурд, на каком основании?!), вменяли ему в вину разглашение информации, которая и без него была Альянсу отлично давно известна, были и другие, столь же нелепые обвинения – и дали срок, десять лет, и уволокли куда-то на Колыму, и он отсидел два года...

И все эти два года они мотались по инстанциям, и решительно настроенный Кир порывался ехать и освобождать психа любым способом, и ему всё доказывали, что нельзя, что будет только хуже всем, и психу в первую очередь.

И они со Скрипачом тогда добились-таки пересмотра дела и за год, не пропуская ни одного заседания, доказали, разбирая каждый пункт, что обвинения необоснованны, что дело сфабриковано, что всё неправда, что всё иначе... а потом произошло чудо, и им чуть ли не на

дом привезли оправдательный приговор, и они все тут же поехали забирать Ита, а он, оказывается, поехал домой сам – выпустили ведь.

Они разминулись тогда на пять суток.

Пять суток он просидел под дверью московской квартиры, еле-еле до неё добравшись, и за эти пять суток ему куска хлеба никто не вынес – соседи, перепуганные вусмерть событиями последних лет, вернувшихся с зоны людей боялись хуже, чем чумы. Он сидел под дверью – ничего у него не было, ни ключей, ни сил, чтобы вскрыть замок (у него-то!..), и когда они вернулись... Оказалось, что Кир умеет плакать, ещё как умеет – от бессильной злости, от отчаяния. Ри вспомнил свою собственную реакцию – брезгливый ужас, смешанный с жалостью, с удивлением... существо, которое сидело на пороге квартиры, было ожившим кошмаром, но никак не его другом... Скорчившееся, трясущееся, одетое в вонючую засаленную телогрейку; без половины зубов, грязное, со страшным, едва успевшим затянуться шрамом на левом виске, с постриженными чуть не под ноль волосами – если что в Ите прежнее и осталось, так это только глаза. И ничего больше.

...Полдня отмывали, потом вызвали «Скорую», а «Скорая» брать не хотела, потому что документов не было, только справка об освобождении... но всё-таки взяли, и где-то через неделю он, уже немного придя в себя, сумел рассказать, что там происходило два года, пока сидел. Голову и спину ему изуродовали в одной из бесчисленных стычек между бараками, по две сотни человек, стенка на стенку, зубы выбили тогда же. Драки эти, кажется, сами же вертухаи и провоцируют, но не было сил и времени разбираться, надо было выжить как-то, и при этом не сбежать (он бы сумел, но боялся – сбежишь, и всю семью пересажаят, слышал о таком), не сорваться, вытерпеть это всё...

А потом произошло что-то совершенно невозможное. Чуть ли не среди ночи его вызвали в контору, сунули в руку справку, разрешили наскоро собрать вещи, и... пинком выставили за ворота, буквально пинком, не понимающего ничего.

– Туда иди, где посёлок, – подсказал чуть слышно молодой солдат из охраны, махнув рукой в толстой серой варежке куда-то в сторону далёких колючих зимних огоньков. – Там станция. Со справкой задаром доехать можно куда надо. Вали, чего уставился?

– Что...

– Освободили тебя, что. Пошёл вон, мясо!..

И он пошёл.

И две недели добирался до Москвы, и добрался – с пневмонией, без копейки денег, едва живой. Поняв, что дома никого нет, он просидел пять суток под дверью квартиры, а его обходили, как прокажённого, и только одна старушка из угловой по ночам выносила ему попить. Если бы не выносила, он бы, наверное, загнулся...

Почти год лечили, правдами и неправдами, через «ангелов» сделали зубы, поправили ещё кое-что, на что хватило средств и связей, вот только спина по холоду у него всё равно болит. Причём именно то место, по которому много лет назад пришёлся удар обрезком трубы.

А Брид и Тринадцатый могут помочь. Пусть на какое-то время, но могут – их дарования вполне хватает для того, чтобы на неделю, а то и больше, полностью снять боль. Ит никогда не просит сам, но они, к чужой боли чувствительные, видят её и, по словам Брида, берут его «в оборот». Разминают спину, поправляют то, на что хватает сил. Брид сказал, что, живи они рядом, спину бы, может, удалось полностью вылечить... В это слабо верилось, но кто знает. Может, и правда.

То, что сейчас подслушал Ри, давным-давно тоже превратилось в своеобразную игру. Брид и Тринадцатый изображают сволочей и палачей, а Ит играет в невинную жертву – всем очень весело. Для Ита платой за это веселье будет спанье с мелкими под мышкой. Он, правда, терпеливый, и ему это не в тягость совершенно.

– Ри, у тебя просто детей не было никогда, – как-то сказал Ит. – Мальчишки, правда, на детей не похожи, но принцип тот же.

– Какой принцип? – не понял Ри.

– Надо просто выключить эгоизм. Полностью. Да, они вдвоем способны отлежать руку, но им настолько хорошо, когда они вот так дрыхнут, что это стоит десяти отлежанных рук, поверь. Они славные.

– Что они славные, я вроде бы в курсе. Но они умудряются занимать половину кровати и отнимать у меня три четверти одеяла.

– Ну... им просто холодно. И всё равно, Ри. Режим эгоиста.

...Ри снова прислушался – за дверью всё ещё смеялись. Он постоял ещё с полминуты, улыбнулся каким-то своим мыслям и, наконец, отправился к себе. Ужасно хочется спать, честно говоря. Тем более, что времени – второй час ночи.

* * *

Билеты удалось взять без проблем – в СВ они всегда были в избытке. Брали их редко, уж больно дорого. Чуть не вшестеро дороже, чем в общий отсек, а дорогу вполне можно перетерпеть и в общем. Подумаешь, десять часов! Это ж не двое суток, верно?

Купив билеты и выйдя из здания вокзала, Ит задумался – куда дальше? Автопоезд уходил в десять вечера, времени у него сейчас было более чем много. Мелькнула мысль – прогуляться по городу, а то когда ещё увидит, но эту мысль он отогнал и решил вместо прогулки съездить в Военно-медицинскую академию. Работал там один дальний знакомый, хороший онколог, и если удастся его застать, то, может, получится проконсультироваться. Денег, правда, нет... А если часы продать? Или не часы, часы жалко. Консультация у этого знакомого, как Ит помнил по прошлому году, стоила пятьдесят рублей, а у него оставалась всего пятёрка. Ладно, сейчас подумаем.

Он зашёл в столовую, расположенную неподалёку от вокзала, и потому шумную и грязную, взял, выстояв порядочную очередь, кружку жидкого, отдающего стиральным порошком пива, забился в угол, где было потише, и принялся прикидывать – где бы раздобыть нужную сумму?

– Дядь, а дядь... – раздался откуда-то сбоку голос. – Слышь, купи у меня книжечку...

– Какую книжечку? – равнодушно поинтересовался Ит. Не спеша отпил глоток пива, вытер рот тыльной стороной ладони.

– А во какую, – говоривший подсел к нему за столик. Неопрятный паренёк лет двадцати, светловолосый, с пронырливым хитрым взглядом. – Гляди...

– Если попробуешь сунуть руку мне в карман, сломаю, – предупредил Ит. – Не карман, а руку. Тебе. Дошло? Развелось щипачей...

– Ты...

– Я – нет. На твоё счастье. Не бойся, не сдам. Так что за книжечка-то?

– Правда купишь?

– Не видел пока, не знаю. Покажи.

Интересно, за кого щипач его принял? То ли за одного из скупщиков, которых вокруг вокзала вертелось множество, то ли за лоха, которого можно развести на дешёвку.

«Книжечка» оказалась блокнотом, исписанным примерно до половины и переплетённым в красиво выделанную коричневую кожу. Ит с удивлением понял, что замочек на блокноте – золотой, а в обложку, в уголок, вставлен... ого! Рубинчик. Дело принимало интересный оборот.

– Почём? – равнодушно спросил Ит.

– Червонец.

– Ну и вали отсюда. Она исчиркана наполовину. Какой на хрен червонец.

- Замочек из голды.
- Ой, не смейся. Фильтруй, из голды. Если это голда, то я – царь эфиопский буду.
- Ну тогда пятёра, ваше величество.
- Рубль.
- Не, мало будет.
- Полтора. Или вали. Больше не дам.

Сошлись на двух. Ит допил пиво и покинул столовую – опять же, не торопясь, даже, можно сказать, лениво. Минут пятнадцать побродил по переулкам (щипач, придурок, всё ещё следил, вот настырный), а потом снял с себя этот неумелый дилетантский «хвост», просто зайдя в подъезд и выйдя из него в ускоренном режиме.

Дойдя до Фонтанки, Ит нашёл тихий дворик, сел на лавку и открыл записную книжку. Как он и предполагал, блокнотик оказался женским, и телефонов в нём было записано множество. Почерк красивый, какой-то совершенно несовременный – ни тебе размашистости, ни спешки. Аккуратные, почти каллиграфически правильные буквы, изящные и ровные.

Телефон самой владелицы нашёлся на последней страничке – Мария Павловна Тишина, шестизначный номер, и, что очень хорошо, номер из центральных... Похоже, где-то на Владимирской. Максимум полчаса, если пешком.

Двушка в кармане нашлась всего одна, но её вполне хватило. Женщина, подошедшая к телефону, чуть не расплакалась от радости, когда он предложил ей вернуть находку.

– Где вы её нашли?!

– На вокзале, возле урны. Я брал билеты, и на выходе увидел... мне показалось, что вещь достаточно дорогая, и я...

– О, я вам так благодарна!

Ага, сардонически усмехнулся про себя Ит. Так я и поверил. Нет, книжечку я, конечно, верну – описала её хозяйка правильно, и даже несколько телефонных номеров назвала – но поостерегусь... на всякий случай.

...Он никому не верил. Уже много лет – никому не верил. Так уж сложилось...

Договорились о встрече, и через сорок минут он стоял возле отделения милиции на Владимирской – это оказалось лучшим способом снять с себя подозрения, не будет же вор назначать встречу там, где людей в форме с избытком?

Она пришла не одна, с мужем – Ит залюбовался, в Москве таких красивых пар почти не встречается. Мужу за пятьдесят, благородная седина, светлый заграничный плащ, тросточка; сама владелица книжечки – хорошо за сорок, но выглядит, как фарфоровая статуэтка, тончайшее лицо, лёгкая походка, идеально прямая спина... Вновь обрётённой книжечке они обрадовались оба, как дети солнышку – господи, ну надо же, и не думали, что честные люди в мире встречаются... конференция, Хельсинки... сумку порезали на вокзале, и кошелёк, и книжечка... кошелёк – бог бы с ним, но книжечка... подарок коллег, всем коллективом, из профессуры кто-то ездил, Франция, привёз...

Ит слушал их, не перебивая, он рассеянно кивал и улыбался – да что вы, не за что, любой бы на моём месте, о чём речь.

– Даже не знаем, как вас отблагодарить, – женщина смотрела на него сияющими серыми глазами. – Вы нас так выручили.

Если бы вы мне подарили пятьдесят рублей, вы бы меня очень выручили, вяло подумал он, а вслух сказал:

– Ну что вы, не стоит. Конечно, будь среди вас онколог... – Он усмехнулся. – Я, собственно, приехал из-за жены, на консультацию. Но несколько не рассчитал, поэтому консультации не получилось.

– Онколог? – недоумённо произнёс мужчина. – Таких совпадений не бывает. Мы же оба... Машенька же только что сказала, что книжку украла, когда она возвращалась с конференции. По онкологии. Из Хельсинки.

Ит оторопело уставился на них.

– Быть того не может, – произнёс он с кривой усмешкой. – Это несколько... неожиданно.

– Пойдёмте, присядем где-нибудь, – предложила женщина. – Что с вашей женой?

– Саркома Юинга.

– Возраст – больше тридцати? Редкий случай. Вы привезли анализы?

– У меня абсолютная память, нет нужды возить.

– Ну-ну... пойдёмте, пойдёмте. Машенька, ты помнишь то кафе, где праздновали день рождения Володи? Там вполне можно выпить чаю и поговорить.

Через час он сидел, так и не притронувшись к остывшему чаю, и кивал в такт их словам. Мир рушился – в который уж раз.

– ...Судя по тому, что вы назвали, тот врач вас просто пожалел. Мы все иной раз скрываем. Да, не хотим травмировать ни больного, ни родственников. Два-три месяца, если удастся достать препараты, месяца полтора, ну, два, если без них. Наберитесь терпения и мужества, очень вам сочувствуем, но ничего уже не поделаешь. Очень жаль, что нет снимков, но поверьте, если бы был хоть малейший шанс, вам бы никто не отказал в операции, а если отказали, то есть тому причины... Сочувствуем вам, очень сочувствуем, вы ведь хороший человек, это по глазам видно, и всегда ужасно печально, что такие беды происходят с такими хорошими и честными людьми...

«Сволочь, сволочь, сволочь, сволочь. – Мысли метались, как мыши в мышеловке. – Трусливая сволочь, предатель! Рыжий меня спасал и спас, а я теперь... Бертик мой, девочка моя любимая, как же это... урод, мудака... куда бежать, что делать? Что мне делать?! Нет, не смогу сидеть и смотреть, как она умирает, и ничего не мочь. А потом что – ещё одна могила, и моя голова, которая уже сейчас не выдерживает и готова сдаться? И тогда всё будет совсем плохо, потому что мы с Рыжим повиснем на Ри, больше ведь не на ком, и в результате мы сдохнем тут все, как кому-то и хотелось, и... боже мой, боже, вразуми, дай знак – о помощи я не просил никогда, но мне, вот хотя бы мне, пожалуйста, – дай знак, что я... не напрасно... Господи, да я скорее сам сдохну, чем это всё так оставлю, я зубами землю грызть буду, я положу эту чертову Официальную полным составом, лишь бы не появилась в моей жизни ещё одна яма и ещё один камень, возле которого надо сажать цветы!»

– Спасибо вам большое. – Он снова кивнул.

– Да не за что...

– Нет, в самом деле, спасибо. Такая ложь... я сталкивался с ней раньше, и по своему опыту могу сказать, что она далеко не всегда во спасение.

Они сидели за столиком напротив него и напряжённо улыбались – просто из вежливости.

– Вы мне сейчас очень помогли. Я не рассчитывал на подобное. Собственно, я сюда приехал только за тем, чтобы услышать правду... что ж, я её услышал, и даже более подробно, чем было возможно...

Ему было противно врать – ведь решение это, запроситься на консультацию, на самом деле возникло у него спонтанно, сегодня утром, и приехал он вовсе не из-за Берты, а из-за годовщины Джессики, и...

«Убейте меня кто-нибудь», – подумалось ему.

Невыносимо...

– Как говорится, что бог ни делает, всё к лучшему. – Ему удалось улыбнуться, и они тут же заулыбались в ответ – сочувственными понимающими улыбками. – Мне пора. Я пойду, с вашего позволения.

– Вы снимаете комнату? – спросил мужчина.

– Нет. Я у друга остановился, он на Пушкинской живёт. Тут совсем рядом. Вечером уезжаю.

– Это вам спасибо за книжечку. – Женщина покачала головой. – Знаете... вы, конечно, можете не верить в это всё, но... в моей практике были случаи спонтанных ремиссий. Чудеса случаются, пусть и очень редко. И врачи тоже ошибаются. Всё может быть. Не надо терять надежду.

– Я постараюсь. – Он снова улыбнулся. – Всего вам хорошего.

– И вам...

* * *

Дома он застал Ри, ожесточённо запихивающего в рюкзак какие-то вещи, и Брида с Тринадцатым, которые с унылым видом сидели на краешке дивана. Увидев Ита, Брид сначалаглянул на него, а потом, потупившись, опустил глаза.

– Что случилось? – насторожился Ит.

– Скрипач звонил, – тихо сказал Брид. – Ит, мне очень жаль... Фишка умерла. Утром сегодня. Сказал, что похоронил её на Ленинских горах. Берта плачет...

Ит сел на корточки, привалившись плечом к стене, запустил руки в волосы и замер.

Ты просил знака, не так ли?

Час назад ты просил знака.

И ты его получил.

Потому что во всей операции, которую ты сейчас планировал, существовал один-единственный изъян – старенькая чёрно-белая слепая кошка, которую не с кем было бы оставить.

Он всхлипнул. Дёрнул головой. С трудом встал, выпрямился.

– Все там будем, – произнёс он беззвучно. – Чушь, но я буду верить, что она теперь на Радуге. С Джеем. Правда, Ри?

– Правда, – отозвался тот. – Они все на Радуге и ждут нас. Но дождутся только в том случае, если мы... умрём честно. Я это понял, когда умер Джей. Он жил честно, и Фишка тоже жила честно. Это не так просто, Ит. Согласен?

– Да. Ребят, я сейчас один посижу полчаса, хорошо? – попросил он. – Всё равно до машины ещё полно времени и...

– Сиди, конечно. Курить можно на кухне, всё равно ехать... Если хочешь, то в холодильнике осталась водка.

– Нет, не хочу. Кошки и собаки спиртного не пьют. Мне просто нужно подумать.

02

Шестеро

Москва – Пласкино

Тщательно забытое старое

– ...Потому что так будет логичнее и проще, Рыжий! Мы будем дома через двое суток...

– Да вы там не справитесь, опомнись! Как ты себе это представляешь?

– Уж как получится, – огрызнулся Ит. – Ничего, справимся.

– Видеть больше не могу, как ты справляешься, – Скрипач сидел за столом напротив Ита и по привычке вертел в руках кухонное полотенце. Скручивал и разворачивал, скручивал и разворачивал, скручивал и разворачивал... – Ит, если вас там накроют, ты можешь себе представить, что будет с нами, а?

– Родной, я тебя умоляю, побудь с Бертой. Она устала за последние дни, ей надо отдохнуть, прежде чем мы продолжим работать, а тебе надо собрать мозги в кучу и подготовиться. И найти представителя Альянса для переговоров. Ну пожалуйста. Ну я тебя очень прошу.

Скрипач горестно покачал головой, швырнул через плечо, не глядя, полотенце в мойку (что-то там жалобно звякнуло) и едва слышно пробормотал слово, которое в приличном обществе произносить не принято.

– Езжайте, – неприязненно подвёл он черту под разговором. – Делайте что хотите. Мы уже час говорим ни о чём, ты мне только нервы треплешь, а толку никакого. Всё. Иди отсюда. Ит, вали, чёрт возьми, смотреть на тебя не могу!..

Ит подошёл к нему, присел на корточки, заглянул в глаза – снизу вверх – виновато и грустно. Почти умоляюще.

– Если бы она была здорова, я бы тебя не просил, ты же знаешь. Мы бы поехали втроём, как ты говоришь. И даже если бы была ремиссия, я бы тоже не просил. Но... Рыжий, нельзя оставлять её одну в таком состоянии.

– Вот и сам и оставайся, – тут же предложил Скрипач. – И нечего подлизываться.

– Точно. И если бы ты был получше, я бы остался сам. Без звука. Но у тебя, извини за правду, сейчас нервы. И тебе нужно несколько дней, чтобы привести их в порядок.

– Во как. И с каких это пор моя шизофрения стала называться нервами? – прищурился Скрипач. – Нет, родной. Не лишай меня группы инвалидности, пожалуйста. А то у меня пенсию отнимут.

Он щёлкнул Ита по макушке, а потом вдруг усмехнулся.

– Ладно, давайте вы вдвоём, действительно. Тем более, что следующий этап работаем уже мы вдвоём, а я за эти двое суток хочу навести кое-какие справки. Только я тебя очень прошу, осторожнее. Хорошо?

– Ладно, – Ит встал. – Так, чего купить? Чего готовить будешь?

Берта вошла в кухню, Ит тут же пододвинул ей табуретку.

– Ничего, пешком постою, – отмахнулась она. – Ит, купи, если не трудно, кроме продуктов почитать что-нибудь. В «Культуре» писали, что вышел сборник рассказов Союза Молодых Гениев...

– Это кто такие? – удивился Ит.

– Пить надо меньше, – упрекнула его жена. – «Кто такие»... Это на самом деле никакие не молодые гении, а большая компания старперов из околонуучных кругов. Сборник – этакая шутка, с их точки зрения, удачная. В статье был отрывок – действительно, забавно. Попробуешь достать?

– Мадам, для вас – любой каприз, – Ит подмигнул. – Тем более что мне надо перед тобой оправдаться за завтрашнюю рыбалку. Что-то мне подсказывает, что...

– Ой, перестань, – поморщилась Берта. – Когда меня твоя рыбалка волновала? Если меня что и беспокоит, так это то, что вы спросонья шибаете дверью так, что стёкла дрожат. Будете выходить утром, придержи входную дверь. Ага?

– Ага, – согласился Ит. Подхватил с табуретки пустую авоську, проходя мимо Берты прикоснулся губами к её виску и тут же получил встречный поцелуй, в щёку. Еле заметно улыбнулся и вышел в тёмный коридор.

...Как-то вот так оно выстроилось за все эти годы... Тайные, не всегда объяснимые движения рук, симфония прикосновений, никому постороннему незаметные кодовые знаки, которые складываются в предложения, в слова, в какой-то свой, никому иному не понятный язык тел, сосуществующих в едином пространстве и с годами словно бы сросшихся, сроднившихся...

Когда Берта на одном из домашних вечеров с чувством и выражением прочла для собравшихся статью из БСЭ, которая называлась «полиандрия», все в результате хохотали, как ненормальные – столь далека была эта нелепая сухая коротенькая статья от реального положения вещей в их семье.

На самом деле их диалог выглядел примерно следующим образом.

– Я лягу пораньше, неважно себя чувствую. Когда ты приедешь вечером, скорее всего буду уже спать.

– Ну и правильно, отдохни.

– Будь осторожен.

– И ты...

Выходя из квартиры, Ит слышал, как Скрипач что-то торопливо объясняет Берте, а та соглашается.

Значит, спрелось.

Ну и слава богу...

* * *

Четверо суток они обсуждали то, что нужно делать дальше. Четверо суток Ит, у которого вдруг обострилась до невиданных масштабов всегдашняя паранойя, возил их на лодке то туда, то сюда – он почему-то снова начал бояться слежки и нервничал всё больше и больше. В результате обсуждения происходили каждый раз в новом месте – от перепаханного поля где-то за городом до полянки в Измайловском парке. Два совещания из четырёх проходили под проливным дождём, но Ит был неумолим, и они отступили, спорить с ним в этой ситуации оказалось себе дороже.

Берта от поездок ужасно уставала, но держалась так, что любой мужик бы от зависти удавился, вот только по ночам едва не плакала от боли, и ночами они со Скрипачом спали мало и урывками – постоянно бегали к ней проверять, как дела.

Спать в своей комнате она им не разрешала ни под каким видом. И Скрипач, и Ит знали: она презирает слабость, и свою собственную расценивает как вызов непонятно кому. Ей не хотелось, чтобы они смотрели на неё в такие моменты – и они старательно делали вид, что не замечают. Не замечают того, чего она не хочет замечать сама.

Нужно было сделать очень многое. Деньги, привезённые из Питера, это хорошо, но нужно гораздо больше, гораздо...

...Нужны переговоры – с теми, кто реально может помочь. Когда Ри впервые озвучил единственный возможный вариант, Скрипач аж поперхнулся, но потом на удивление быстро согласился. Да, всё верно. Но как?..

...Нужны какие-то люди здесь – а никого давно нет, поэтому нужна возможность перевести часть универсальной валюты в местную. Все знали – да, это возможно, но для этого нужны

связи, снова связи. Риск – благородное дело, если речь не идет о риске сломать себе шею в самом начале операции.

...И, конечно, нужно оружие.

– Так что у нас про оружие? – спросил Ри.

– В общем, оно у нас есть, – сдался Ит. Говорили они как раз в поле, вокруг на километр никого не было. – Только его надо достать.

– И один человек этого сделать не может, – подхватил Скрипач. – Желательно два. А лучше три.

– Но где? – поразился Ри.

– Вот так я тебе и сказал, – отмахнулся Ит.

– А какое?

– Ржавый топор и пила без зубьев, – рассмеялся Скрипач. – Ещё где-то валялся гаечный ключ.

– Рыжий, это ну совсем не смешно, – рассердился Ри. Скрипач глянул на него так, что Ри невольно отодвинулся в сторону.

– Это импорт, – беззвучно произнёс Скрипач. – Остался... Это не наш, это Кира, если ты хочешь спросить, откуда он у нас.

– Но когда вы могли?..

– В самом начале, когда Кир лежал в больнице, – объяснил Ит. – Собственно, он-то думал, что оружие изъяли официалы... но это была не служба. Мы успели вывезти и спрятать.

– Ты же тогда ходил плохо, – вспомнил Ри.

– Было, – кивнул Скрипач. – Ходил плохо. С палкой. Для всех и напоказ. На самом деле я уже дней десять ходил совершенно нормально, но решил повременить с публичным выздоровлением. Как оказалось, не зря.

– Тебя ещё что-то удивляет? – усмехнулась Берта. – У них в каждом рукаве по кролику, в каждом кустах по роялю, и в каждой машине – бог.

– Ну, не до такой степени, – скромно улыбнулся Скрипач. – Хотя от привычки страховать куда денешься...

– А что вы ещё успели, про что я не знаю? – поинтересовался Ри.

– К сожалению, ничего, – вздохнул Ит. – Нет, есть ещё одна штука, но... это уже совсем на крайний случай.

– Какая?

– Он не скажет, Ри, – ответил Скрипач за молчавшего Ита. – Я уже пытал. Если он за восемьдесят с лишним лет не сказал даже мне, можешь и не начинать.

– А тебе он когда сказал?

– Позавчера. Дословно – «у меня есть ещё одна штука, может быть, пригодится». Это всё.

– Ит, пожалуйста, – попросила Берта. – Сейчас не время играть в игры и в тайны. Если с тобой что-то произойдёт, мы...

– Вы не сумеете этим воспользоваться, – отрицательно покачал головой Ит. – Это... это моё, личное. Это не оружие.

– Но что это?!

– Ребята, я правда не могу сказать, – взмолился Ит наконец.

– Почему?

– Потому что я не знаю, как это называется. И даже что это такое.

– Вот так в маразм и впадают, – констатировал Скрипач. – Тихо, быстро и, главное, незаметно. Оп, и уже там. Ит, ты можешь объяснить толком, о чём речь?

– Нет, – Ит отвёл взгляд. – Если бы мог, объяснил, но не могу. Да и вообще, хочется верить, что до этого не дойдёт. Это всё... просто не понадобится.

Предложение Ри звучало действительно безумно – он сказал, что им стоит попробовать связаться с Альянсом. Да, да, именно с Белым Альянсом. В Москве имелось на данный момент целых четыре представительства, и можно было бы попробовать как-то, нелегальным порядком, конечно, пообщаться... с кем-то из внешки, там работающим.

– Вообще нереально, – невесело рассмеялся Ит, когда Ри впервые заговорил об этом. – Сам подумай. Зачем мы им нужны? Что мы им можем предложить? Все исследования давным-давно открыты и завершены, мы... ну, ты помнишь формулировку...

– Признаны случайным совпадением и аномалией. Использование невозможно, – покивал Ри. – А если что-то другое?

– Что? – горестно спросил Скрипач. – Что, Ри? У нас ничего нет. В том числе денег – их хватит максимум на лечение Берте. Причём там, где оно стоит дёшево, замечу.

– Знаешь, я всё-таки хочу попробовать, – Ри задумался. – Нельзя сразу ставить крест на возможности, понимаешь? Мы должны...

– Мы должны уложиться в две недели, – угрюмо заметил Ит.

– Нереально.

– А мы не пробовали, – с горьким ехидством сказал Ит, глядя Ри в глаза.

– Ребята, вы... – Берта задумалась. – Как бы это сформулировать. Ит, вся та активность и безумие – из-за того, что я нашла? Вы действительно хотите попробовать... вернуть?

Ит задумчиво посмотрел на неё – от этого взгляда у Берты вдруг мурашки побежали по коже.

– Я – нет, – ответил он. – Если говорить обо мне, то я хочу только одного. Попробовать спасти тебя. Малыш, ты же меня знаешь, я... – Он осёкся.

– Нет, – она покачала головой. – Ит, не обманывай себя. До этого момента...

– До этого момента я не думал про такое развитие событий, и знаешь почему? – Ит тяжело глянул на Ри и Скрипача. – Потому что один я бы не справился. А ты сумела сдвинуть их с мёртвой точки. Ри, скажи, только честно – если бы не появилась пусть и туманная перспектива вернуть Джессику, ты бы ввязался в это дело? Не врать, гений. Не врать! Понял?

Ри опустил голову.

– Нет, – глухо проговорил он. – Берта, прости меня, но нет. Я бы побоялся.

– Чего? – поинтересовалась она.

– Того, что... Берта, тут её могила, понимаешь? Остаться во внешке, и даже не иметь возможность цветы привезти? Ниточку порвать, самую последнюю? Уже насовсем, навсегда?.. Хорошо. – Он резко поднял голову. – Да, я малодушный трус и сволочь, можешь не говорить это, Ит, я и сам скажу. Но я бы не пошёл. Из-за того, что она осталась бы тут... одна.

– Вот, – наставительно кивнул Ит. – Другое дело. Спасибо, Ри. Жестоко, зато честно.

– Меня можно не спрашивать, – встрял Скрипач. – Иначе, боюсь, будет ещё более жестоко.

– А тебя и не спрашивали, – ухмыльнулся Ит. – Значит, так. Мы завтра – на рыбалку, так сказать. Рыжий, Берта – на телефон, и обзванивать всех, кого только можно.

– На предмет? – удивился Скрипач.

– Ищи контакт с Альянсом.

– На кой хрен мне для этого кого-то обзванивать?

– Идиот... Найди человека, который хоть какое-то отношение имеет к представительству.

И на тебя выйдут уже сами, не позже, чем через сутки.

– Не буду я никого обзванивать, – отмахнулся Скрипач. – Смотаюсь, погляжу...

– У тебя крышу не сорвёт, пока ты будешь глядеть? – усмехнулся Ри.

– Нет, скорее всего, – с сомнением произнёс Скрипач. – На всякий случай цепочку с собой возьму.

Металлическую цепочку он таскал с собой почти постоянно – и когда пробивало покрывать что-то в руках, начинал крутить её. Звенья были запаяны на совесть, порвать цепочку было сложно.

– Поосторожнее только, – попросил Ит.

– Ммм... не знаю. Нет, ребят, давайте я лучше всё-таки с вами, за оружием. Всё, точка. Я решил. До Альянса в пятницу доберёмся, подождёт.

– Рыжий...

– Нет, я сказал! Я поеду с вами, вы там не справитесь вдвоём!

Спорили в результате до ночи – уломать Скрипача оказалось сложно.

Но всё же уломали. Пусть и с трудом.

* * *

Выехали с самого ранья, по темноте. Моторка, которую сейчас вёл Ит, была хорошая – пять лет назад получил на работе, отстояв на эту моторку двухлетнюю очередь, а потом год доводил до ума. Это уже была даже не моторка, а, по сути, небольшая моторная яхта. Шесть метров длиной, с закрытой кабиной (осенью и весной ещё как актуально, а крышу Ит сделал съёмную, на лето её он обычно как раз и снимал), со спальными местами и даже с крошечной кухонькой – газовая плитка с двумя конфорками, закреплённая на специальном подвесе, и дорожный чайник-самогрей. У этой лодки даже было имя, зарегистрированное в реестре речных судов, – яхта называлась «Горизонт». Название было написано, как и положено, в средней части корпуса, с двух сторон, рядом с реестровым номером.

В кабине довольно быстро стало тепло – в своё время Ит озаботился печкой, – и Ри даже немного подремал, сидя в обшитом красным дерматином мягком кресле. Впрочем, Ит скоро его разбудил.

– Ну чего? – сонно спросил Ри, потягиваясь. Куртку он расстегнул, и за час, пока он спал, она задралась и уехала куда-то, сбившись под спиной. – Ит, шесть утра, дай поспать ещё...

– Ай ты умный какой, – ехидно проворчал Ит. – Ты, значит, спать, а я, значит, ведем? Хорошо устроился. Ты меня обязан развлекать разговорами, понял? А то засну, и в берег впишемся.

– А не пошёл бы ты?..

– Нет, серьёзно. Я правда спать хочу, да ещё ты тут, понимаешь, храпишь...

– Я храпел? – опешил Ри, который не храпел никогда в жизни.

– Немного было. Ну или не храпел, сопел, – поправил себя Ит. – Да поспим мы, не волнуемся. На Дорке встанем где-нибудь и пару часов поспим. У нас всё равно времени до вечера – завались.

– Тогда резонный вопрос – на кой мы так рано вышли?

– Потому что так положено, – пояснил Ит. – Все нормальные люди отправляются на рыбалку с раннего утра. Иначе клёва не будет.

– Тьфу на тебя, – обозлился Ри, снова садясь в кресло.

– Достоверность, дорогой мой. Достоверность – во всём, – назидательно пояснил Ит. – Удочки, водка, заспанные рожи, в пять утра выйти и так далее.

– Кому она нужна, твоя достоверность... – Ри зевнул, едва не вывихнув челюсть. – Проверять некому.

– А вдруг? – Ит пожал плечами. – Может, и не нужна. Но всё-таки.

– Да не «всё-таки», – Ри тяжело вздохнул. – Слушай, а что мы будем там делать?

– Увидишь, – Ит нахмурился. – Выспаться действительно надо, Ри. Потому что этой ночью спать не будем. А будем вкалывать, как проклятые.

– Ит, это какой-то тайник? – спросил Ри с интересом. – В Пласкино?

– Да, – неохотно ответил Ит. – Не совсем, но примерно там.
– Пласкино же проверяли, я помню, – Ри задумался. – Они там, кажется, перерыли весь участок и разобрали домик?
– Верно, – кивнул Ит. – Так и есть.
– И ничего не нашли.
– Тоже верно. Какое там домик, они обшарили лес на километр вокруг, – Ит усмехнулся. – Поняли-то они всё совершенно правильно, вот только ни найти что-то, ни доказать факт того, что мы спёрли это что-то и спрятали, не сумели. Они там, кстати, и потом ещё искали... безрезультатно.
– Ты уверен, что оружие там лежит до сих пор? Вдруг кто-то нашёл?
– Уверен, – Ит усмехнулся. – Ри, я, может, и старый, может, и чокнутый, но кое-что кое в чём пока что понимаю. А тогда ещё лучше понимал. В общем, приготовься морально.
– Знать бы ещё, к чему готовиться, – хмыкнул Ри.
– К тому, что будет очень долго, очень мокро и очень холодно, – Ит поежился, глянул на осеннюю реку и на дождевую морось. По стеклу кабины скользил «дворник», размазывая капли – чёрная резинка накладки, потрескавшаяся от старости, со своей задачей справлялась не лучшим образом. – Эх, обещал я Берте не пить в ближайшее время, а ведь придётся, – пожаловался он. – Иначе мы там дуба дадим...

* * *

...«Горизонт» поставили у берега искусственной протоки, ведущей от реки к бывшему пруду старой барской усадьбы. Ри выстругал рогульки для удочек, потом они развели маленький костерок (исключительно для декорации, конечно), забросили удочки и улеглись спать в кокпите. «Горизонт» был неплохо приспособлен для путешествий, поэтому спали с комфортом – в рундуках хранились тёплые спальники, подушки, безразмерные «общие» свитера. Ри, укладываясь, подумал, что лодка эта, подарок Ита семье, была действительно хороша, и путешествовать на ней было бы, наверное, одно удовольствие... вот только как раз в тот год, когда появилась лодка, заболела Берта, и они так ни разу и не выбрались, кажется... Или всё-таки выбирались?

– Ит, а куда вы на этой лодке ходили? – сонно спросил Ри.
– Чего?.. А... На Волгу ходили, три года назад, когда у Бертика ремиссия была. И на Днепр, на острова, годом позже... – Ит зевнул. – Ри, спи. Потом потреплемся.
Уговаривать Ри не пришлось – через десять минут оба спали. Ри ещё успел мельком подумать, что они, наверное, всё-таки рискуют, ведь сторожить некому, и... додумать он не успел, потому что заснул.

Проснулся он, когда уже стемнело. В крошечной каюте было тепло, сухо и вкусно пахло – кофе и, кажется, макароны с тушёнкой. Ри полежал ещё минуту (вылезать из-под спальника не хотелось совершенно), потянулся и негромко позвал:

– Ит, ау. Вставать?
– Вставай, – отозвался Ит. – Сейчас перекусим по-быстрому, и пошли.
– Ага. Ты когда успел макароны сделать?
– Из дома взял, уже варёные. Газа мало, только на разогрев хватит. Нам же ещё утром надо будет пожрать что-нибудь...
– Ну это да, – Ри зевнул. – Слушай, а я вроде бы даже выспался, – с удивлением заметил он.
– Это хорошо, – рассеянно ответил Ит. – Ри, давай в темпе.

С едой управились быстро. Потом так же быстро собрались. Ит сунул в рюкзак маленькую сапёрную лопатку, фонарь, кусок брезента и пару крепких веревок – Ри спросил, не вешаться ли он собирается в лесу, но Ит в ответ лишь ухмыльнулся, и они отправились.

Идти по темноте через лес оказалось удовольствием небольшим. Ри, в отличие от Ита, в темноте видел точно так же, как обычные люди – то есть никак. Он то и дело налетал на корни, торчащие из земли, оскальзывался на мокрых листьях и несколько раз чувствительно получил по лицу непонятно откуда берущимися ветками. Ит в конце концов сжалился и всё-таки включил фонарь – идти стало значительно легче.

– Слушай, какого чёрта ты не сделал этого сразу? – Ри потёр расцарапанную скулу. – Чуть ноги себе не переломал.

– Знаешь, я как-то не думал, что придётся тащиться сюда с тобой, – виновато ответил Ит. – Мы-то с Рыжим в подсветке не нуждаемся.

– Не равняй всех по себе.

– Ну, извини... Мы почти пришли, – Ит остановился, огляделся. – Ага, точно. Держись за мной, пожалуйста. Потому что ноги тут переломать действительно можно запросто.

Ри заметил, что они, кажется, вышли на какие-то развалины – тут и там валялись каменные обломки, старые, заросшие мхом. Ещё через минуту они прошли совсем рядом с наполовину осыпавшейся кирпичной стеной. Свет фонаря выхватил из мрака старую кладку, между кирпичами росла трава.

– Где мы? – с удивлением спросил Ри.

– Барская усадьба, – пояснил Ит. – Вернее, то, что осталось от дома. Нам подальше, к службам.

– Жуткое место, – Ри поёжился.

– Угу, – согласился Ит. – Энергетика очень плохая. Местные сюда почти не ходят. Говорят, тут всякие привидения водятся, призраки. – Он усмехнулся. – На самом деле в призраков я верю слабо, а вот в то, что по темноте и спяну тут себе народ не то что ноги, шеи ломал, – верю запросто. Так что... – Он пожал плечами. – Сам понимаешь, для страховки место очень неплохо подходит.

– Ясно, – покивал Ри.

– Так, – Ит остановился. Огляделся, пошёл немного вперёд. – Вот, по-моему, где-то тут он и был... ага... Ри, иди сюда!

Ри подошёл.

Они стояли у какого-то каменного кольца, почти полностью развалившегося. Сверху на этом кольце лежало несколько толстых полусгнивших веток, под которыми виднелась масляно блестящая плёнка болотной воды.

– Пришли, – Ит сбросил с плеч рюкзак и принялся отстёгивать от него сапёрную лопатку.

– Что это такое? – с интересом спросил Ри.

– Колодец, – пояснил Ит. – Тут раньше была конюшня. Видишь жёлоб? – Он ткнул рукой куда-то в темноту. – Автоматизация восемнадцатого века. Заливали воду прямо отсюда, и она сама расходилась по денникам.

– На уровне пола? – удивился Ри.

– Нет, конечно. Выше. Это сейчас вровень с землёй, потому что мы, по сути дела, стоим на обломках стен, а не на полу... Так, пять минут отдыхай, я за инструментом.

Ит подхватил лопатку и канул куда-то в темноту. Ри проводил его взглядом, потом снова посмотрел на каменное кольцо. Подумав, оттащил в сторону ветви, с опаской потрогал воду – холодная... Оружие на дне? И как Ит собирается его доставать, интересно?... Колодец, по всей видимости, довольно глубокий, если его за столько лет не затащило.

Вскоре Ит вернулся. С собой он принёс два оцинкованных ведра и пару лопат. Сложил принесённое около колодца и принялся стягивать с себя куртку и свитер.

– Раздевайся, – приказал он Ри.

– Ит, сейчас плюс четыре, – напомнил тот.

– Ага, я в курсе. Поверь, через полчаса ты про это забудешь, – Ит уже привязывал к дужкам ведёр верёвки.

– Ты воспаление лёгких заработать не боишься? – с опаской спросил Ри, расстёгивая куртку.

– Боюсь, а что делать... Так. Я тебя предупреждал, что будет трудно. Поясняю. Сейчас нам надо будет вычерпать примерно половину воды из этого колодца. Это где-то... Метра на четыре вглубь. Дальше будет немножко проще.

– Ты охренел?..

– И не думал, – хмыкнул Ит.

– Но...

– Что – но? Ты думаешь, они просто так ничего не нашли? Потому что не искали? Слушай сюда. Воду отбрасывай в сторону, иначе через полчаса работы мы будем стоять в луже. Верёвку лучше всего привяжи к поясу, упустишь ведро – нырять за ним будешь сам.

– Колодец глубокий?

– Метров пятнадцать был... сейчас, наверное, метров десять, дно всё-таки затягивает, пусть и медленно, – Ит задумался. – Ри, на самом деле ничего особенного в этом нет. Мужики вдвоём-втроём за день такой колодец умудряются выкопать, сам сто раз это видел, и мало что видел, даже рыть помогал. А когда чистят, точно так же ведрами вычерпывают примерно такой же колодец за два-три часа. Собственно, именно это нам и предстоит сделать. Тут, правда, всё чуть иначе, потому что надо перекрыть одну штуку, она на четыре метра ниже... а дальше... ладно, сначала вода.

Ри покачал головой.

– Ит, объясни, как вы вообще до этого додумались?

– Господи... Мы с Киром тут тренировались. Ну, по утрам. Бегали, разминались. Наткнулись во время пробежки на эти развалины. Стало интересно, я в деревне расспросил, чего тут было раньше. Бабки рассказали про усадьбу. Я на досуге порылся в архиве...

– В каком? – удивился Кир.

– Ездил в Москву, заскочил в архитектурный, через реестр, разрешение у меня было... ну, тогда было. Прочёл про эту усадьбу. Потом решил посмотреть сам. Надо сказать, местный помещик был большой затейник. Тут до сих пор сохранилось много всего интересного. Когда во время революции это всё разрушили, то, что было внизу, по большей части уцелело.

– Тоннели?

– Ну, ты хватил. На тоннели не тянет, так, проходы... мы тогда побродили немножко, посмотрели. Собственно, ничего особенного – что-то разрушено, что-то затоплено, что-то осталось. Хороший пример того, на что способен человек, которому некуда девать время и деньги, – Ит усмехнулся. – Так, исторический экскурс окончен. Приступим.

...Через полчаса Ри понял, что холодно ему этой ночью действительно скорее всего не будет. И ещё понял, что запустил себя совершенно позорно и безобразно. Через час работы у него болели все мышцы, спину стало сводить чуть ли не судорогой, но останавливаться было некогда – по словам Ита, вода прибывала из какого-то родника, который находится на среднем уровне шахты, и его можно перекрыть, поэтому сейчас следует поторопиться и поднапрячься.

«Поднапрягались» четыре часа. После этого Ит сбросил одну из верёвок в колодец, велел Ри держать и полез вниз. Не было его минут десять.

Наконец Ит вылез – правая рука ободрана до крови, а штаны по колено мокрые.

– Закрыл, – тяжело дыша, сообщил он. – Тяжёлый, сука...

– Кто тяжёлый? – не понял Ри.

– Да камень этот... самое поганое, что потом открывать придётся, в любом случае. Ри, перекур, и черпаем дальше, ещё два метра осталось.

– До дна?.. Ит, надень куртку, пока курим.

– Ага... Нет, не до дна. До дна там больше, но дно нам не нужно.

– Надо сказать, что вы с Рыжим те ещё затейники, не хуже этого помещика, – Ри глубоко затянулся. Сигареты отсырели, табак пах прелью и мокрыми листьями. – То есть тайник где-то в стене?

– Скажешь тоже, затейники, – Ит поморщился. – Времени было очень мало. Будь его больше, мы бы получше затаеяли. А так... за двое суток много не успеешь при всем желании. Особенно когда у тебя на хвосте сидит толпа народу. Да, там тайник. И универсальная защита, он не сканируется. По этим развалинам поисковики тоже лазили, конечно. Им ведь сказали, где мы бегаем, да мы и не скрывали. Так что они тут лазили, сканировали развалины, даже рыли в подозрительных местах.

– И не нашли, – констатировал Ри.

– Не нашли, – подтвердил Ит. – Знаешь, чаще всего, когда человек... или не человек, неважно, торопится что-то спрятать, он не тратит много времени или усилий для того, чтобы спрятать по-настоящему. По логике вещей, мы должны были прикопать это всё где-нибудь под деревцем или спрятать в развалинах. А поступили не по логике... в некотором смысле. Ладно, давай дальше.

К трём часам ночи они вычерпали воду. Ит снова слазил в колодец и сказал, что достаточно. Снова перекурили, выпили водки, чтобы согреться – несмотря на нагрузку, им всё-таки было холодно. Потом Ит связал из верёвок широкую петлю, её опустили в колодец, и начался второй этап операции. Сейчас им предстояло выдрать из кладки ещё один камень. На это ушло почти два часа: когда делали тайник, Скрипач замазал щели каким-то ядрёным составом, который сейчас, от времени, сделался только крепче. В результате оба, и Ри, и Ит, ободрали в кровь руки, но камень всё-таки вынули и подняли наверх, чтобы потом поставить обратно. Снова перекурили, Ит прихватил лопату и снова полез в колодец. Поднялся он минут через пятнадцать, прижимая к груди небольшой, сантиметров шестьдесят длиной, герметичный кофр, перемазанный землёй и глиной.

– Уф, умаялся, – сообщил он, бережно вытирая кофр ладонью. – Так... Ри, ещё один перекур, приводим в порядок место, и пошли отсюда.

– И это всё? – с сомнением спросил Ри, глядя на кофр.

– А что ты хотел? Полный арсенал, что ли? – удивился Ит. – Тут один боевой импульсник, аккумуляторы и два «браслета». Кстати, новых, – добавил он с усмешкой. – Нам на троих как раз хватит.

– С этим много не навоюешь, – нахмурился Ри.

– Смотря где, смотря как, – возразил Ит. – Нам этого хватит. Поставишь на место первый камень?

– Давай, – обречённо вздохнул Ри. – Удержишь?

– Куда я денусь...

* * *

До лодки они добрались только к рассвету. Ри чувствовал себя совершенно измученным и разбитым, Ит, видимо, тоже – их хватило только на то, чтобы переодеться, выпить по чашке кофе и рухнуть спать. Проспали часа четыре, потом принялись приводить себя в порядок. В результате извели почти весь йод и пластырь, которые нашлись в аптечке, а Ри Ит заставил принять ещё и аспирин, на всякий случай.

– Всё-таки ты простыл, – констатировал он с горечью. – Ну что за невезуха.

– Это не невезуха, а моя собственная лень, – возразил Ри. – Если бы я тренировался, если бы не запустил себя до такого позора... – Он махнул рукой. – Сам виноват.

– Не надо было мне тебя тащить сюда. Справился бы...

– Ой, иди ты. Давай лучше на игрушки посмотрим, – предложил Ри.

– Ну, давай, – согласился Ит.

Импульсник, штатное оружие для работы в мирах третьего-четвёртого уровня, был в прекрасном состоянии, невзирая на то, что больше восьмидесяти лет пролежал без дела. Ит прижал к прикладу аккумулятор, продолговатую, сантиметров пятнадцати, фиолетовую пластину – и оружие тут же ожило, потеплело. На пределе слышимости пискнул датчик. Очень хорошо, это значит, что импульсник Ита узнал, и возиться с дополнительной настройкой не придётся.

– Давай я его сразу под тебя тоже подгоню, – предложил он. – Ри, руку.

Они одновременно коснулись оружия – под пальцами на долю секунды вспыхнул жёлтый огонь – сработал биосканер, кольнуло горячим.

– Всё, – удовлетворенно констатировал Ит. – Готово дело.

– А скольких он может помнить? – поинтересовался Ри.

– Этот – человек сто, кажется. Простая модель. Этакая, знаешь ли, трёхлинейка Мосина, – Ит усмехнулся. – Более навороченные Кир не любил, и я его понимаю. Мне тоже не нравится, когда оружие слишком много соображает.

Ри кивнул – Ит, конечно же, имел в виду модели, которые были «умными», реагировали на «своих» и «чужих» (по «своим» такое оружие стрелять не будет, просто выключится, а то и самоуничтожится), работали только у определённых пользователей, кодировались... Тут он был целиком и полностью согласен с Итом. Оружие – это оружие. И должно оно работать в руках у того, у кого оно в руках, а не своевольничать. А если тебя убили, то твой друг сможет поднять твоё оружие и продолжить дело... а не валяться убитым рядом только потому, что оружие его «не узнало».

Мало ли что случается в жизни? Оружие – оно не хорошее и не плохое.

Оно просто есть.

С этим ничего не поделаешь...

«Браслеты» в управлении были на порядок сложнее, поэтому Ит сразу же предупредил Ри, что ему «браслет» давать не будет. Ни под каким видом.

– Почему? – удивился Ри. – Я же сто раз...

– ...видел, как с ними работают, ага, – покивал Ит. – И даже не начинай. Ри, это опасная штука. Действительно опасная. Убить ты никого не убьёшь, конечно, но мне совсем не хочется валяться в отключке после того, как ты случайно неправильно махнешь рукой.

Ри тяжело вздохнул, а потом кивнул, соглашаясь. Действительно, чтобы работать с «браслетом», нужен опыт. Причём серьёзный опыт. «Браслеты» предназначались для ближнего боя, их «начинка» позволяла оглушить или выключить противника на расстоянии до десяти метров. Применяли их, надо сказать, нечасто – при всех плюсах, таких, как минимальное энергопотребление, простота использования, малый вес, удобство, существовал ряд существенных минусов. Например, опасность задеть своих возрастала стократно. Те же боевики «браслеты» использовали только в крайних случаях...

Ит вытащил следующий аккумулятор, вложил в ложбинку на внутренней поверхности «браслета», затем надел «браслет» на запястье – тот в секунду перестроился, сжимаясь, подстраиваясь под руку. Сейчас он был в штатном режиме и выглядел как полупрозрачная тёмно-серая тонкая полоска шириной сантиметра четыре. Ит подумал, нахмурился – полоска преобразовалась в некое подобие часов. Именно что в подобие, на обычные местные часы это подобие не тянуло.

Ит нахмурился ещё сильнее.

– Нет, так не пойдёт, – уныло констатировал он. – Что же придумать, а?

– Может, просто серебряный или золотой браслет? – посоветовал Ри. – Ну, типа декоративного?

– Я тебе чего, «дружок», с украшениями ходить? – упрекнул его Ит. – Ты же знаешь не хуже меня, кто тут такие висюльки носит. Мне, как ты понимаешь, прошлых обвинений с лихвой хватает... Рыжему тоже, ещё увидят на работе, потом разговоров не оберёшься.

– Ты же уходишь, – напомнил Ри.

– Мы все уходим, но мне не нужно, чтобы кто-то что-то начал подозревать раньше времени.

– Подожди, – Ри задумался. – Я не понял. Ты что, собираешься с ним по городу шляться, что ли?

– Нет, блин, я его дома оставляю, – огрызнулся Ит. – Естественно. Буду носить. Тебе, кстати, придётся точно так же таскать импульсник. Поищи в кофре чехол и сбрую, подгони под себя. Плащ у тебя вроде бы широкий...

«Браслет» в результате замаскировали под шрам – такая метаморфоза у него оказалась предусмотрена и подошла как нельзя лучше. Шрам выглядел как след от давнего ожога – при большом желании можно было бы сказать, что когда-то давным-давно на руку пролили кипяток. Ит метаморфозой был доволен. Для пробы (и чтобы немножко повеселить Ри) он пару минут поиграл с «браслетом», переведя его в режим шупа – сначала завёл мотор у лодки, потом – перенёс чайник со стола в кухонную зону, потом – не очень сильно, но вполне ощутимо дернул Ри за хвост, потом – щёлкнул по носу.

– Прекращай, а? – попросил тот. – Дошутишься.

– А я ничего не делал. – Ит невинно поднял глаза. – Это привидение.

– И это привидение получит синяк под глаз, если не уймётся, – сердито буркнул Ри. – Слушай, правда, хватит! – По рёбрам пробежали невидимые пальцы. – Ит, блин, перестань!.. Щекотно!

– Ладно, ладно. Я просто осваивался. За восемьдесят лет, знаешь, тоже отвык и всё позабыл. Пару дней придётся потренироваться. Хорошо, что батарейка новая совсем.

– Её надолго хватит?

– Вообще она рассчитана на год работы, – Ит задумался. – Но лежала... Думаю, если использовать экономно, то месяца на два её должно хватить.

– А импульсник?

– Смотря в каком режиме. Показывает он сейчас пятидесятипроцентный заряд... Значит, боя на два должно хватить.

– Я так понимаю, что нам этого более чем достаточно, – подытожил Ри.

– Ну да, – согласно кивнул Ит. – Если драка вообще получится, то она явно будет одна. И короткая. Потому что нас положат гораздо быстрее, чем мы успеем израсходовать батарейки.

– Ох... Ладно. Поехали домой? – Ри положил импульсник на колени.

– Поехали, – согласился Ит. – Они там волнуются уже небось.

* * *

Скрипач на этот раз своим правилам изменил – к их приезду квартира буквально сияла. От прежнего омерзительного запаха не осталось и следа: сейчас пахло замечательно. Свежая мастика для пола, полироль, стиральный порошок; а ещё – что-то съедобное, бесконечно домашнее и уютное.

– Ого, – удивлённо сказал Ит ещё в лифте. – Слушай, там пироги. Почему-то. С вареньем и с капустой. И делал Рыжий, сто процентов.

– Да? – с недоверием спросил Ри. – По чему ты понял?..

– Что это у нас? А по тому, что только Рыжий в пирог с капустой кладет укроп. И капусту не тушит, а отваривает. Это диетический вариант, для Бертика, ей нельзя жареное и жирное, печень и так десять раз протравлена...

Ри покивал.

– Скрипач, чего это ты затеял? – поинтересовался Ит с порога, едва открыв дверь. – И когда успел?

Рыжий вышел из кухни, вытирая руки полотенцем и приветливо улыбаясь.

– Достали? – поинтересовался он.

Ит кивнул.

– Отлично. А затеял... Сейчас объясню. Ри, дверь закрой... Мы ведь через несколько дней отсюда уходим. Теперь уже точно. А это... – Он замялся. – Это всё очень много лет было нашим домом. Я прав?

Ит и Ри молчали.

– Ну и вот, – не дождавшись ответа, продолжил Скрипач. – Это как... как подарок этому дому. Который мы бросаем. Скорее всего, навсегда. Потому что нас или убьют, или мы отсюда уйдём. Вот я и решил...

– Спасибо, родной, – Ит закусил губу. – Да, ты прав. Ты чертовски прав...

– Я знаю. – Рыжий скрутил полотенце в жгут. – Берта сейчас поспать легла, но... ребята, одна проблема, немного неожиданная. Она... ну, попробовала собрать вещи. Мы тут чуть не поругались. Я два часа объяснял, что никакие вещи взять не получится. Никак. Что мы... ну, как на тот свет. Все вместе. А на тот свет с вещами ни у кого не получалось. Она на меня обиделась... чёрт, просто не знаю. Потом снова плакала, просила... хочет кое-что сохранить, если нельзя взять, а как сохранишь, где? По-моему, она только сейчас начала осознавать, что мы такое затеваем.

– Рыжий, она больна. Ей очень трудно, – Ит вздохнул. – Постарайся понять её правильно, и ещё – мы поговорим с ней все вместе, обязательно. Сегодня же. А где мелкие, кстати?

– С ней спать пошли. И утешать, как я понял. Так, раздевайтесь уже, наконец, мойте руки и идите жрать.

– Сначала мыться, – попросил Ри. – Рыжий, мы там извозились, как свиньи.

– Догадываюсь, – покивал Скрипач. – Ладно, так и быть. Только быстро, а то суп остынет.

– Что у нас с переговорами? – спросил Ит.

– Завтра. Мы двое, – Скрипач усмехнулся. – Ри, тебе туда будет нельзя, прости. Ит, чего ты так на меня смотришь? Ты думал, я тут только полы мыл и еду готовил?

* * *

Это была наипохабнейшая баба, но, что удивительно, и этот кабак, и эта баба друг другу удивительно подходили.

Встречу представительница Альянса, с которой удалось связаться Скрипачу, назначила сама – пригласила в закрытый дипломатический клуб, что на Таганке. И Скрипач, и Ит сильно сомневались в том, что там будет возможно говорить о чём бы то ни было, но она настаивала – там, и только там.

Пришли, благо что идти было пятнадцать минут неспешным шагом. Она уже ждала – Скрипач виновато посмотрел на Ита, который, поняв, с кем придётся общаться, глянул на Рыжего так, что тот захотел провалиться сквозь землю.

– Никто другой не...

– Рыжий, потом. Всё потом.

...Последний писк моды – белое кожаное пальто с меховым воротником, сапоги на шпильках, рыжие кудри до плеч, килограмм косметики и, наверное, шестидесятый размер

одежды – обладательница модных вещей, по всей видимости, была большой любительницей поесть. Вкусно и много.

– Марина, – представилась она. Опустила ресницы, густо намазанные синей тушью, улыбнулась – уголки напмаженных губ пошли вверх. – Очень приятно.

– Нам тоже, – сдержанно кивнул Ит. – Мы...

– Пройдёмте в кабинет. Не тут же разговаривать.

Нет, они отлично знали, что в городе есть с десятков таких ресторанов, но внутрь попали впервые – в подобные места им вход был заказан. Ни вывески, ни намёка на то, что в маленьком невзрачном особнячке находится... такое.

... Два зала внизу – столиков по шесть-семь на зал, приглушённый свет, вишнёвого тона ковёр на полу. Маленькая сцена, на ней – гитарист в алой рубашке и певица в цветастой юбке и расшитой кофте, что-то цыганской, ай-нэ-нэ, грудной низкий голос, с фальшивым надрывом, приторно-пусто... Запахи – жареное мясо, вино, водка, аромат каких-то специй, свежего хлеба...

Через залы Марина прошла к лестнице, задрапированной плюшевой занавеской, и стала подниматься – низкие ступеньки, ковровая дорожка, латунные держатели для ковра, дубовые перила. Роскошь, дурновкусие – век бы такого не видеть, до чего отвратительное место, но что поделаешь, приходится.

Кабинет оказался небольшой комнатой на втором этаже особняка. Овальный стол, покрытый белоснежной скатертью, диванчик на гнутых ножках в углу, вокруг стола – четыре полукресла с резными спинками, обтянутые атласной золотистой тканью. На столе ваза с фруктами, бутылка шампанского, бокалы, серебряная икорница, тарелка с сёмгой, блюдо с мясными закусками, хлеб, прикрытый льняной салфеткой.

– Садитесь, – кивок подбородком в сторону стола.

– Спасибо, – кивнул Ит. Скрипач тоже кивнул.

Сели.

– Забавно, – констатировала она. – Вот уж чего я никак не ожидала, так это того, что официалы придут к нам с подобной просьбой.

– Мы давно уже не...

– Это не имеет значения, – Марина ухмыльнулась. – Итак, у вас ситуация следующая. Вам нужно, если я правильно поняла, вывезти на лечение жену.

– Да, – кивнул Скрипач.

– И сами вы хотите по какой-то причине отправиться вместе с ней, – продолжила она.

Ит кивнул.

– Вы нас считаете совсем тупыми. Да? – Марина захихикала. – Мальчики, мальчики... это же чушь. Вы ведь даже сами себе сейчас не верите. Зачем пытаетесь обмануть меня?

Ит тяжело вздохнул.

– Мы не обманываем. Просто... говорим не всё. – Хорошо, что Скрипач догадался о том, что нужно молчать. Значит, и правда кризис закончился. – Как вы думаете, приятно ли быть тем, кем нас сделали? Да, мы действительно хотим вылечить жену. Но ещё больше мы хотим сбежать из тюрьмы, в которой пробыли последние восемьдесят лет.

– Вот это уже честнее, – кивнула она. – Гораздо больше похоже на маленькую правду. А хотите, я расскажу вам всю правду про вас сама... дальше? Ну?

Ит и Скрипач переглянулись. И кивнули, синхронно.

Это действительно становилось интересным.

– Дети, конечно. Вы же рауф, ваши заморочки с семьями ни для кого не секрет. Что ж, понимаю, почему вы предпочитаете помалкивать об этом... впрочем, помалкивать поздноват. Соградо, поймите – вы нам не нужны. Вы треш, мусор. Вы давным-давно вышли в тираж, равно как и ваш дружок, который или пьет, не просыхая, или водит туристов по городу, да ещё под

надзором ГБ. Вы ничего из себя не представляете, вы безнадёжно отстали от технологической базы, вы потеряли форму, и поэтому иметь с вами дело... – Она не договорила. Сморщила нос, фыркнула. – Но я добрая женщина, и я решила, что, если получится, попробую вам помочь.

– Каким образом? – бесстрастно спросил Ит.

– Увы, много я сделать не смогу. Скажем так, я попробую... – Она замялась. – Попробую провести вас к площадке в Домодедово. Это максимум. С вами невыгодно иметь дело, вас слишком многие хотят прикончить до сих пор, и помогать вам, в принципе, себе дороже. Но я пойду вам навстречу, если вы согласитесь поработать на меня.

– На каких условиях, и что нужно будет делать? – Скрипач прищурился.

– Скорее всего, ничего, потому что вас с вероятностью сто процентов убьют на Орине, как только вы выйдете из портала. – Она засмеялась. – Но если случится невероятное и вы сумеете покинуть планету, мы с вами свяжемся.

– Допустим, невероятное произошло, и мы сумели это сделать, – Ит говорил спокойно, но в голосе его уже стало чувствоваться раздражение. – Чем именно и в каком качестве мусор может оказаться вам полезным?

– У нас есть одна работа, для которой вы подойдёте, – Марина откинулась на спинку кресла, прикурила. – Вы неплохо ориентируетесь здесь, значит, вполне сможете поработать и там.

– Там – это где? – хмуро поинтересовался Скрипач.

– Пока неважно.

– Хорошо, – кивнул Ит. – Марина, нам потребуется где-то месяц для решения наших семейных дел. Мы гарантируем, что если всё получится, мы через этот месяц поступим в полное распоряжение... Карающего Молота. Мы не сбежим, клянусь.

– Конечно, не сбежите. – Она улыбнулась.

– Почему вы в этом так уверены? – с интересом спросил Скрипач. – А вдруг мы решили вас обмануть, пройдем через портал, а затем смоемся в неизвестном направлении?

Марина посмотрела на него долгим взглядом, и Ит вдруг с удивлением понял, что во взгляде этом явственно читается спокойная и наглая уверенность. Ему стало не по себе.

– Нет, вы не убежите. Хотите услышать почему? С удовольствием просвещу вас, Скрипач. Вы не знаете, где сейчас ваш сын. А мы знаем. Думаю, это будет для вас хорошим стимулом не расслабляться.

– Шантаж? – Ит усмехнулся.

– Конечно! С такими, как вы, иначе и нельзя, – пояснила она. – Вы не хуже меня знаете, что защита дипломатических отделов – полная ерунда для хорошего специалиста, а это значит, что жизнь вашего сына и его ненаглядной жёнушки находится в наших руках.

– Вы не посмеете, – деревянным голосом произнёс Скрипач.

– Ерунда. Посмеет, если потребуется. – Подведённые синим глаза смотрели насмешливо, лукаво. – И потом, Скрипач, вы что, хотите проверить – посмеет мы или нет?

– Так, хватит. – Ит рассердился. – Марина, мы всё отлично поняли. У нас, к сожалению, нет иного выхода. Поэтому мы вынуждены принять ваши условия. Один момент – сначала мы всё-таки решим вопрос с женой.

– Оставьте вашего дружка, как гаранта...

– Нет, – решительно ответил Ит. – Ри пойдёт с нами. Простите, Марина, но это обязательное условие. Или нас будет четверо, или не пойдёт никто.

Слабина, вот что он понял. Она дала слабину – Скрипач не заметил, а он сумел. Значит, действительно существует какая-то работа, с которой Молот не справился и для которой предназначил их – не будь её, Марина просто не стала бы с ними беседовать.

Во что же такое влез Молот, с чем не смог совладать? Для чего потребовались они? И... чем это может им троим в результате грозить?

«Ладно, – подумал он с тоской. – Хотя бы Берту вытащим. Если получится, то хотя бы Берту. Господи, что же это такое...»

– Хорошо, – согласилась Марина. – Значит, так. Завтра к вам подъедет мальчик от меня, всё расскажет. Учтите, если вы покалечите или убьёте хотя бы одного нашего во время этой диверсии, пощады не ждите. Положат на месте.

– Оглушать можно? – спросил Ит.

– Максимум. Но не более того.

– У меня вопрос, – ни с того ни с сего начал Скрипач. – Как мы протащим на эту точку человека на костылях?

– Это не моё дело, – скривилась Марина. – Несите на руках... да как хотите. Решайте ваши проблемы сами.

– Мы постараемся, – кивнул Ит. – Значит, завтра мы ждём вашего курьера.

– Точно. Ну что ж, с делами всё, – Марина затушила бычок в хрустальной пепельнице. – Шампанского не желаете? За успех предприятия?

– Нет, спасибо, – ответил Ит, вставая. Скрипач тут же тоже поднялся. – Мы не пьём.

– С каких это пор? – захохотала она.

– С недавних. Но это не имеет значения. Всего наилучшего.

Когда они выходили из кабинета, она всё ещё смеялась...

* * *

На улице Скрипач вытащил сигареты, закурил – Ит заметил, что у него дрожат руки. Они медленно пошли вниз по улице, к реке. Уже стемнело, и снова стал накрапывать холодный мелкий дождь.

– Какая тварь, – прошептал Скрипач. – Омерзительная тварь.

– У нас нет другого выхода, – беззвучно ответил Ит. – Ты же знаешь.

– Знаю. – Голос Скрипача звучал безнадежно. – И она про это тоже знает.

– Рыжий, постой, – попросил Ит. Тот покорно остановился. Ит взял его за плечи, развернул лицом к себе. – Я тебя прошу – потерпи. Пожалуйста. Родной, нам всем очень тяжело, но сейчас...

Скрипач покивал, слабо улыбнулся. Взъерошил Иту волосы, шутя толкнул ладонью в лоб.

– Спокойно, – кивнул он. – Всё о`кей. Прорвёмся, как мне кажется.

– Обязаны, – пожал плечами Ит.

03

Шестеро

Портал

Дождь

– Малыш, ты как?

– Ничего, терплю пока... Долго ещё?

Ит задумался.

– Не знаю. Скорее всего, несколько часов.

– Господи...

– Я тебя очень прошу...

– Можешь не просить, справлюсь. Обязательно справлюсь, главное, чтобы вы справились.

– Мы постараемся.

Хотя бы не очень холодно, и – огромный плюс – достаточно просторно для того, чтобы менять положение ног. Если затекут ноги – всё. Вот это будет уже точно всё. Он осторожно высвободил руку, на которую опиралась сейчас Берта, нагнулся вперёд и принялся массировать икры. Покалывает немного, но не страшно.

Двенадцать часов. И ещё чёрт-те сколько ждать этого проклятого сигнала.

– Тебе ножку растереть? – спросил он для проформы, хотя и так знал, что растереть нужно обязательно.

– Давай, – согласилась Берта.

– Болит?..

– Да не очень. Хотя таблетку я бы съела, наверно.

– Возьми и съешь, – посоветовал Ит. – Правда, прими. А то опять охрана подойдёт близко, и шевелиться снова будет нельзя.

– Ага. Ит, вода у тебя?

– Да, с моей стороны. Сейчас.

Две фляжки из четырёх, которые захватили с собой, уже выпили. Осталось ещё две. И воду надо экономить, потому что неизвестно, на сколько растянется ожидание.

– Как там ребята? – Берта прислушалась.

– Мы в порядке, – тут же отозвался Скрипач. – Ри пока что спит, мелкие тоже, я сторожу.

– Напомни ему про ноги, – попросил Ит.

– Первым делом, – пообещал Скрипач. – Только бы это всё поскорее кончилось... хоть чем-то.

– И не говори, – прошептала Берта в ответ.

* * *

Весь идиотизм плана заключался в том, что все они, четверо, в этом плане практически не принимали участия, отдаваясь целиком и полностью на чужую волю. Они становились грузом, и не более чем грузом, до самого последнего этапа операции.

Когда Иту и Скрипачу объяснили суть плана, они поняли следующее.

Во-первых, кто-то очень заинтересован в том, чтобы их всех вытащить с Терры-ноль. Заинтересован настолько, что готов пойти на что угодно.

Во-вторых, решение вытаскивать (и, видимо, потребность в их присутствии во внешке) принято спонтанно и совсем недавно. Буквально на днях.

В-третьих, что операцию планировал не профессионал.

В-четвёртых, что шансы на успех минимальны, но другого варианта просто не существует.

Как говорится, скрипки нет, берите бубен...

– Какой идиотизм. – Ри, которому объяснили план часом позже, закрыл глаза ладонью, не зная, что ещё сказать. – Народ, может, лучше сразу прыгнем из окна? По крайней мере, это быстро. И гарантированно без мучений.

– В чём-то ты прав, – согласился Скрипач. – Но мне жалко дворников, которым потом придётся соскребать с асфальта то, во что мы превратимся. Поэтому я всё же предлагаю попробовать. Вдруг получится? Ит, что думаешь?

– Пока только одно. Такой наглости от нас Официальная ждать не должна. И не ждёт. Понимаешь, они уверены, что мы бы поискали более изящное решение... хм. Слушайте, может быть, действительно рискнуть?

– А я-то думал, ты откажешься, – проворчал Скрипач.

– Почему? – Ит сидел за столом и задумчиво водил пальцем по краю чашки. – Почему я должен отказываться? Почему не ты, например?

– А я почему? – удивился Скрипач.

Ит не успел ответить – в кухню вошла Берта, а следом за ней Тринадцатый.

– Кое-что мы спрячем на себе, – Мотылёк ловко забрался на стул и уселся на край стола. – Медальончик, цепочки. Ну и ещё кое-что по мелочи... Ит, налей чаю, пожалуйста.

– Зачем? – спросил Ит.

– Потому что я хочу это с собой взять, – Берта села напротив Ита, поставила костыли к стене. – Милый, ну пожалуйста.

– А остальное «пожалуйста» ты потащишь на себе, – обречённо констатировал Скрипач. – Что берёшь?

– Кое-что рабочее, что не поместилось в голове, и папину картину, – твёрдо сказала Берта.

– Сколько это весит? – поинтересовался Ит.

– Килограмм пять, не больше.

– Ладно. – Он обречённо покачал головой. – Рыжий, ты съездил?

– Съездил... попрощался ещё раз, на всякий случай.

Ит, Скрипач и Ри были заняты подготовкой. Но Скрипач всё-таки выкроил час и добрался до кладбища... десятый раз за эту осень.

– Хорошо. Итак...

* * *

За сутки до начала операции они уехали из дома. Демонстративно, напоказ, все вместе. С вещами, сумками. Якобы – на дачу. И в самом деле, сначала отправились действительно на дачу, но там не пробыли и часа: развели огонь в печке, позажигали всюду свет, включили музыку, а как только стемнело, ушли через лес в сторону дороги: там по договорённости ждал неприметный грузовик, на котором они за три часа доехали обратно в город. После пересели на небольшой грузовой катерок и уже на нём добрались до Московского транспортного терминала.

«Харибда», на которой в Москву привезли партию аппаратуры из Ливии, из-под Дерны (очередная обменная программа), стояла в дальней части площади, а площадь нужно было пройти незаметно. Тут уже сработали Ит и Скрипач, хорошо, что народу было немного – не так просто отвести глаза сразу многим людям, по одному «брать» куда как проще. Дальше какой-то человек проводил их к ящикам, из которых за час до того вынули аппаратуру.

В этих ящиках им предстояло провести неизвестно сколько времени: сначала ожидание катера, идущего в Домодедово, затем погрузка, потом – перегрузка на транспорт Официальной службы, уже на отводном канале, потом досмотр на пропускном пункте, и лишь затем, по сигналу, можно будет попробовать пройти портал.

Вокруг которого полно охраны...

– Максимум – метров триста, – предупредил агент Молота, с которым они беседовали. – Выйти со склада, проскочить через площадь. Людей будет мало, мы это обеспечим. Наших не будет вообще. Поэтому стреляйте смело, как вам вздумается.

– Спасибо, – поблагодарил Ит. – Триста метров? Ближе никак?

– Увы. Ещё скажите спасибо, что триста. Склад большой, но мы распорядимся, чтобы груз поставили у самого выхода. Якобы он срочный.

– А если не получится... – начал Скрипач, но агент, не дожидаясь, продолжил за него:

– И если не получится, и если получится, мы будем настаивать на своей непричастности к происшедшему, – ответил он твёрдо. – Это всё сделали вы сами. Вполне в ваших силах выкрасть аппаратуру, забраться в коробки и попытаться сбежать. Разве нет?

– Сами так сами, – криво усмехнулся Ри. – Ладно. Спасибо за содействие.

– Сочтёмся, – пожал плечами агент. – Так, далее. Код, господа.

– Объект диаметром примерно один миллиметр, приблизительно круглой формы, двухмерный, расположенный на светлой поверхности, – тут же ответил Ит. – Это значит, что мы готовы к работе и ждём распоряжений.

– Точка, значит, – кивнул агент. – Хорошо. Передать нам можете через любого транспортника или через любого Мастера Порталов сети Ойтмана.

– Вот даже как, – Ри хмыкнул.

– А ты не знал? – удивился Ит. – Универсальная связь, ею же все пользуются. Мы тысячу раз это делали.

– Как-то не доводилось, – Ри задумался. – Хотя, если вдуматься, действительно хорошая система.

– Хорошая, хорошая, – заверил Скрипач. – Не сомневайся.

– Последняя просьба, – Ит тяжело посмотрел на агента, тот сразу же утратил напускную весёлость. – Если случится так, что мы погибнем, а наша жена останется в живых... У нас есть некая сумма, которой должно хватить на её лечение. Попробуйте настоять на том, чтобы ей оказали помощь.

– Откажут, – отозвался агент.

– Всё равно, попробуйте, – Ит опустил голову. – Мы ведь всё это делаем только ради неё. Случись подобное с нами, мы бы не стали ничего делать.

– Понимаю. – Сочувствия в голосе агента не ощущалось. – Ладно. Сделаем всё, что сумеем.

– Заранее спасибо, – улыбнулся Скрипач.

– Пока не за что.

* * *

На их счастье, в ящиках осталось полно упаковочной пакли и стружек, свежих, пахнущих смолой. Устроились с максимально возможным комфортом, Ри с Мотыльками и Скрипач в одном ящике, Берта и Ит – во втором. Такое деление было обусловлено тем, что во время досмотра в каждой «таре» должен быть кто-то, кто сумеет отвести глаза проверяющим и, по возможности, обмануть технику. Ни Берта, ни Ри делать этого, разумеется, не умели.

Активаторов для работы с самим порталом взяли четыре штуки – благо, что современные модели были размером не больше пачки сигарет. Собственно, Берта десять лет назад работала

с группой, которая эти активаторы создавала, и с десятков образцов благополучно осело у них дома, ими-то и решили воспользоваться. Берта с Итом немного поколдовали над ними, проверили – всё работало как нельзя лучше.

– А помнишь самые первые гробешники? – со смехом вспоминал Ит. – Которые под камни маскировали?

– Ещё бы не помню, – Берта захихикала. – Помню. И как эпоксидку из волос кое у кого маникюрными ножницами выстригала, тоже помню.

– Непонятно только, зачем. Всё равно, волосы потом пришлось снизу срезать. О чём-то я задумался тогда... Чуть руку не приклеил к волосам. Намертво.

– Дурак ты потому что, – Берта щёлкнула его по лбу. – Ладно, давай дальше работать...

С портативными активаторами управились быстро. Разблокировать колонну ответного ливийского активатора бралась Берта – когда создавали эти колонны, она успела плотно пообщаться с группой, которая их проектировала. Площадки уже давно синхронизировали, и с этим проблем возникнуть не должно.

Гораздо труднее пришлось с самыми прозаическими вещами – например, Ри так и не научился беззвучно чихать, а для Берты самым трудным, почти невыполнимым, оказалось просидеть час, практически не двигаясь.

– Сразу предупреждаю – чесаться будет тогда, когда нельзя, и там, куда не дотянешься, – Скрипач, вызвавшийся дать краткий ликбез на тему, сделал строгое лицо. – Это происходит всегда и у всех. Без исключения.

– И что же делать? – спросил Ри.

– Терпеть, – пожал плечами Рыжий. – Поверь, это не самое сложное. Наши болевые тесты помнишь?

Ри кивнул.

– И то, и другое – пытка, – объяснил Скрипач невозмутимо. – И порой бывает так, что волос, попавший не вовремя в нос, причиняет страданий больше, чем полутрубленная нога. Ещё один момент – это, простите, туалет. За сутки до начала – не едим ничего, пьём только по необходимости. И понемногу. Если тебе кажется, что ты сейчас выпил бы ведро воды, сделай глоток, не больше. Потому что эта пытка – куда хуже двух предыдущих. Представьте себе, что вам очень хочется писать, а возможность появится... часика через четыре, не раньше. А то и позже. Выводы?

– Но что-то можно придумать? – умоляюще спросила Берта.

– Ох... Мужикам, понятное дело, в этом плане несколько проще... Ладно, попробуем. Берта, не вешай нос, а? – попросил он, заметив, что жена несколько приуныла. – Не всё так страшно. Я сейчас сгущаю краски, чтобы вас напугать.

– Зачем? – удивилась она.

– Может, я хочу, чтобы вы вели себя образцово.

– Я вот сейчас встану и взгрею тебя костью по спине, – пообещала Берта. – Мне и так плохо, а ты ещё издеваться вздумал.

– Я не издеваюсь, а проговариваю все возможные варианты, чтобы охватить проблемы по максимуму, – возразил Скрипач.

– У тебя получилось.

– Ну, прости, – попросил Скрипач. – Я же не со зла...

* * *

«На дорожку» всё-таки немного посидели, но посиделки получились какими-то странными, это чувствовали все, хотя вслух не произнесли ни слова. Накрыли стол в гостиной, с серебром, с фарфором; Скрипач кое-что приготовил, но немного, «без фанатизма», по его соб-

ственным словам. Ит достал из заглазника бутылку хорошего вина, а Ри, повоевав с гитарой полчаса, сумел настроить её так, что можно стало с грехом пополам что-то сыграть.

Часа полтора просидели, говоря ни о чём, кое-как доели курицу с картошкой, в которую Скрипач переложил перца, из-за чего рот горел так, что чуть слёзы из глаз не начинали литься, потом отправили отдыхать Берту, наскоро ополоснули посуду, хотя этого можно было бы и не делать... привычки, привычки... и разбрелись по комнатам, спать.

Среди ночи Ит проснулся, осторожно высвободился – Скрипач, разумеется, спал, как и привык, уткнувшись ему в плечо, и пошёл на кухню. Захотелось курить. В коридоре у двери он остановился и вдруг, по наитию, оглянулся.

Дом.

Сердце защемило...

...Высокие, выше обычных, дубовые двери – как они тогда готовили сюрприз для Кира, который ещё не знал, что они решили принять его в семью, и как непривычно для него это было... Его уже давно нет, а на косяках этих замечательных дверей до сих пор сохранились кое-где царапины. Вернулся как-то домой, после задания и, не снимая формы и амуниции, через всю квартиру, искать... ободрал краску, потом перекрасили, но царапинки всё равно видно, если приглядеться.

Вытертая ковровая дорожка на полу, которую так и не удалось отчистить от Фишкиной шерсти... А ведь это он, Ит, притащил в дом облезлого несчастного котёнка, которого подобрал в подворотне. Притащил и сунул в руки Скрипачу, у которого как раз было обострение. Когда же это было? Как раз через год после смерти Кира.

– Это что? – оторопело спросил тогда Скрипач.

– Кошка, – мрачно ответил Ит.

– И что мне с ней делать?

– Дай пожать для начала. Потом разберёмся.

В результате Скрипач большую часть обострения возился с котёнком – и ему как-то незаметно стало лучше. У Фишки оказался чудесный характер. Она не орала вёснами, не драла мебель, нигде не гадила, ничего не портила. На балконы не выходила, боялась – поэтому они спокойно открывали двери, когда шли курить, знали, что кошка за ними не сунется и не упадёт. Смешно играла с мухами – прихватывала несильно лапой, потом отпускала. И очень любила хозяев, особенно Скрипача. На мордашке у неё с первого дня в доме поселилось выражение робкой признательности, умильное, трогательное, почти человеческое. За Скрипачом Фишка ходила хвостиком, и он в шутку часто называл её кошко-собакой.

«Как же её жалко и как же без неё плохо, – подумал Ит. – Ведь никто больше в нашей жизни не будет любить нас всех – вот так. Бескорыстно и преданно. Никто больше не подойдёт, не потрётся о ногу, не потрогает лапкой штанину, не запрыгнет на колени. Никто не станет будить по утрам, мурлыкая и ласться, никто не будет затевать долгого и обстоятельного разговора с холодильником, в котором спряталась рыбка, и некому, совсем некому будет следить за птицами в окнах. Как же пусто в квартире... Коша, кошка, ну что же ты так... Совсем стала старенькая, а теперь и вовсе...»

И ведь может скоро, уже через несколько часов, получится так, что и нас самих тоже не будет... и вспомнить Фишку станет некому...»

Горло сдавило, но не от страха, а от отчаяния, от безвыходности, да он и сам не понял в тот момент, от чего. Сигареты, по счастью, нашлись на кухне, на столе, но не его привычная «Прима», а «Ява», которую курил Ри. По мнению Ита, эти сигареты были слабоваты, но сейчас – вполне сойдут, какая разница. Свет он включать не стал, сел за стол, закурил и снова задумался.

«Нелепо, – билось в голове. – Нелепо, совсем нелепо... Мы бежали с Орина тогда, да, мы бежали... потому что тут для нас была свобода... здорово мы сбежали. В тюрьму. Все стара-

ются сбежать из тюрьмы, а мы сбежали в тюрьму и, придурки такие, ещё и гордились этим... не понимая, куда сами себя загнали. Нет, всё немного иначе – пока все были живы, тюрьма нас устраивала. Конечно, мы понимали, что это неправильно, но... а теперь? Что теперь?»

Надо было ещё раз прогнать вторую часть сценария – если, конечно, сработает первая часть и они пройдут портал. Спать не хотелось совершенно, поэтому он закурил следующую сигарету.

– Ребята, работаем следующим образом. Если всё получится... тут... то там, сразу, как только выйдем, делаем вот что. Берта и мелкие – тут же на землю, мы трое – в круг. Рыжий, лупи парализатором по всему, что будет двигаться.

– Ясен пень...

– Ри, импульсник в парализующем режиме, поэтому – то же самое.

– А ты?

– И я, разумеется. Мелкие, на какое расстояние сможете просканировать?

– Полкилометра, – Брид задумался. – Хватит?

– Дом в трехстах метрах, поэтому хватит. Попробуйте вызвать Маден, у вас должно получиться.

– Ит, а если... ну, если её там не будет? – Тринадцатый с сомнением посмотрел на Ита.

– Скорее всего, она там будет. Но даже если нет, для нас это не принципиально. Нам главное – как-то начать переговоры.

– Парализовав всех, кого сумеем? – усмехнулся Ри. – Хорошее начало, ничего не скажешь. Шарахнут нас всех разом и...

– Нет, – отрицательно покачал головой Ит. – Нас не шарахнут.

– Почему?

– Потому что я так сказал.

– Опять твои загадки. Ладно, допустим, – Ри задумался. – И что мы требуем? Транспорт?

– Конечно, – кивнул Скрипач. – Нам нужно будет уйти с планеты. Сразу же.

– Не выпустят, – возразил Ри. – Ребята, давайте серьезно. Вы работали с руководством гораздо меньше, чем я, и... Поставьте себя на секунду на место тех, с кем нам придётся иметь дело. Шестеро заложников одновременно покидают мир привязки. По закону, в этом случае их полагается уничтожить. Да, после разбирательства. Да, не сразу. Но в любом случае – это смертный приговор. Который мы сами себе подписали, хочу напомнить.

– Ри, всё так и есть, ты прав. Если бы речь шла о любом другом случае, ты был бы совершенно прав. Но у нас всё несколько иначе, – Ит задумался. – В первую очередь, это всё-таки... это наш дом. Дом дочери. И территория – принадлежит не официалам, а Сэфес. И Встречающим. Которые разрешают официалам на этой территории находиться, но не более того. Это даёт нам шанс.

– Какой?

– Что нас не убьют сразу.

– Может, ты и прав...

– В любом случае – вы, трое, садитесь, чтобы не маячить, мы держим оборону, а дальше уже по обстоятельствам, – попытожил Ит.

– Хорошо, – сдался Ри. – Собственно, ничего другого нам не остаётся.

* * *

Складской ангар, в котором сейчас стояли ящики, оказался сделан из дюралюминия и, конечно, не отапливался, поэтому к ночи все порядком подмёрзли. Дождь барабанил по металлу, пахло свежей землёй, соляной сыростью. Час тянулся за часом, а сигнала всё не было и не было. Скрипач начал нервничать, оба Мотылька тоже. Ри, Берта и Ит старательно изображали спо-

койствие, но на самом деле их терпению уже подходил конец – в общей сложности они просидели в ящиках уже почти восемнадцать часов.

– Ну когда же, а?.. – с тоской спросила Берта.

– Думаю, скоро, – Ит погладил её по голове. – Ты только держись хорошо, ладно? Смотри, не упали.

– Главное, не задушить Ри случайно, – тихо засмеялась она.

– Ничего, он крепкий, – Ит обнял Берту, прижал к себе. Она положила голову ему на плечо, вздохнула. – Совсем замёрзла?

– Не совсем, но замёрзла... только любовь и греет.

Конечно, целоваться, сидя в деревянном ящике – полный идиотизм, но сейчас они целовались... Ит мельком подумал, что, может быть, вообще в последний раз в жизни, и, наверное, правильно, что она сейчас плачет... беззвучно, просто слёзы из глаз, и губы солёные, и щека совсем мокрая... он изо всех сил гнал от себя сейчас это проклятое чувство вины и беспомощности, но оно возвращалось снова и снова...

– Я ни о чём не жалею, – прошептала она. – Разве о том, что Рыжий не здесь...

– Душою с вами, – шепнул тут же Скрипач. – Бертик, я тебя люблю. Ит, поцелуй её и за меня тоже, ладно?

– Хорошо. Ребята, вы заметили, что стало тихо?

– Правильно, ночь уже, – согласился Ри.

– Значит, скоро. Ри, как ноги?

– Порядок.

– Отлично.

* * *

Первого человека очень удачно снял Скрипач – тот, кажется, и сообразить ничего не успел. На выходе из ангара остановились, сначала вышел Ит, через несколько секунд позвал остальных. Площадь и дебаркадер оказались совершенно пустыми, но это пока что ничего не значило. Весь комплекс ИВК был отлично освещён, причём свет использовался не местный, а автономный – в воздухе парили флерлайты, длинные, прозрачные, и светло было почти как днем.

– Так, идём спокойно, – вполголоса приказал Ит. – Не бежать.

Они двинулись по краю площади к двухметровому бетонному забору, расположенному по периметру площадки.

Давно уже канули в Лету те времена, когда площадки прибытия никто не охранял, ох и давно. Больше сотни лет назад на эту самую площадку забирались местные, даже одежду у «гостей» воровали. Теперь вокруг домодедовской площадки размещался целый исследовательский комплекс и два представительства – Официальной службы и Антиконтроля. Народу тут было полно, комплекс считался военизированным объектом и охранялся так, что муха не смогла бы пролететь незамеченной. И площадка, конечно, охранялась тоже.

– Если бы мы знали, во что это выльется, мы бы... – Скрипач не договорил, резко остановился.

– Что... – начал Ри.

– Патруль, – коротко ответил Скрипач. – Ри, назад. Приготовься.

Схватка получилась короткой, всё-таки внезапность сыграла свою роль. И внезапность, и отчаяние, и, самое главное, то, что патруль нападения совершенно не ожидал – за всё время существования комплекса тут не случалось ничего подобного. Максимум, что до этого доставалось патрулям, – это мальчишки из местных, на спор пытающиеся перелезть внешнее ограждение. Такие вылазки для пацанов заканчивались всегда одинаково: первый забор им давали

перелезть, потом брали за ухо, отводили на пост, а через полчаса приезжала милиция. Нападения, да ещё и вооружённого, никто не ждал.

– Стажёры, – констатировал Ит, укладывая последнего патрульного рядом с товарищами в тень, отбрасываемую стеной стоящего рядом здания. – Боевики, но стажёры. Повезло.

– Пробежимся? – предложил Скрипач.

– Надо бы. У нас максимум три минуты. Ри, Берта, вы как?

– Нормально, – ответил Ри. Берта согласно кивнула. – Давайте скорее.

– Тогда рванули.

Вход на площадку был, разумеется, перекрыт – железные ворота, добротные и крепкие. С воздуха площадку защищал тент. В своё время был большой спор о том, строить вокруг площадки ангар или не нужно. Где-то построили. Тут – не стали.

И на том спасибо.

– Ри, прикрывай, – попросил Скрипач. Ри в ответ снова кивнул.

Ворота. И двое караульных на входе. И уже вспыхивают ярче флаерлайты там, где они только что были, а это значит, что патруль уже нашли и через минуту тут будет человек пятьдесят. Или больше...

На часовых ушло секунд тридцать. Непозволительно много. Следующие полминуты Ит лихорадочно возился с запорами, а Ри и Скрипач с тревогой смотрели на пока ещё пустую дорогу.

– Не соврала эта Марина, – Ит потянул на себя створку, ворота начали открываться. – Что же они такое сделали, чем задержали?..

– Ты открыл? – спросил Скрипач.

– Да, заходим...

Ворота удалось захлопнуть до того, как по железу грохнула первая пуля. Ит очумело потряс головой: на такое везение он не рассчитывал. Никак не рассчитывал.

Остальные думали явно о том же самом.

– Быть не может, – пробормотал Ри. – Ребята, быстрее на нужную долю, пока они не перелезли через...

Ит взмахнул рукой – по ту сторону забора раздался чей-то вскрик. Скрипач, упав на одно колено, хлестнул невидимым щупом под ворота – судя по воплю, его удар тоже достиг цели.

– Ри, ответный блок и активатор! – крикнул Ит. – Скорее, ребята, скорее! Мы их долго не удержим!..

Над забором снова показалась чья-то голова, в это время с другой стороны, уже с площадки, раздался вскрик Берты, а затем – короткое «тсс-ша», Ри начал стрелять из импульсника. Ит оглянулся – Берта уже стояла у колонны активатора ответной точки, включавшего ливийскую противофазу; Ри, зажимая в одной руке коробку портативного активатора, палил из импульсника куда-то в темноту – от ворот было не разобрать, куда именно.

И затем – долгожданное. Низкий звук начавшей включаться площадки.

– Рыжий, бежим!

– Сам беги, твою мать, чего встал!

Нарастающий звук, а затем – белое сияние, в котором мгновенно утонуло всё и вся.

* * *

Ослепительное полуденное летнее солнце над головой, тонкий слой серого песка под ногами. Вместо осенней хмари и ночи – сухое жаркое лето и ясный день.

И тишина, от которой закладывает уши – вместо криков и выстрелов.

– Целы? – спросил Ри.

– Да. Берта?

– Тоже, – севшим голосом ответила она. – В меня чуть не попали...

– Мелкие?

– Тут, порядок, – отозвался Тринадцатый. – Берта, выпусти нас.

– Секунду.

Нет никакой секунды. Ладно, сейчас это не имеет значения.

Голос, идущий ниоткуда:

– Оставайтесь на месте. Мы активируем портал.

Вот так.

Никаких переговоров, никаких объяснений. Вообще ничего. Истинное великодушие – зачем же убивать «заложников», если есть возможность просто вернуть их обратно в ту же секунду?

И неважно, что на выходе – полсотни вооруженных людей...

Ит сделал шаг вперёд, поднял руку.

– Не делайте этого, – громко произнёс он. – Если вы сейчас предпримете попытку активации, я уничтожу портал.

– Что? – В голосе невидимого собеседника послышалась явная растерянность.

– Я уничтожу портал!

* * *

...Маден тогда было года три, и она была на редкость общительным ребёнком. Во время прогулки обязательно сначала собирала цветочки «отнести папе Фэбу», а потом они отправлялись к portalу – там всегда было много народу. Проходили через калиточку в заборе (Орбели настояла, чтобы сделали забор, ей не нравилось, что в саду мелькают какие-то чужие люди и не люди), шли к могилам. Наполняли кормушку для птиц, ставили в принесённую из дома вазочку цветы. Когда заканчивали с делами, Маден с чувством выполненного долга тащила отца к народу – общаться. За ней было очень смешно наблюдать. Во-первых, она безошибочно выбирала тех, кто расположен поговорить, во-вторых, вела себя «как взрослая», важно и серьёзно. К трём годам она довольно бегло болтала на десятке языков, правда, иногда очень смешно путала одни и другие. Взрослые с ней беседовали с удовольствием, а Ит, чтобы не мешать, чаще всего стоял неподалёку, в сторонке, и рассеянно прислушивался к этим смешным и порой очень трогательным разговорам.

Вот и в тот раз тоже.

Маден убежала на другой край площадки, а он стоял просто так, от нечего делать подкидывая на ладони зелёное маленькое яблоко. Непонятно зачем подошёл к площадке поближе, присел на корточки, дотронулся ладонью до песка... и его словно прошёл электрический разряд. Понимание того, что произошло в ту миллисекунду, пришло значительно позже, тогда он ничего не успел осознать. Но позже – понял.

Этот портал принадлежал ему.

Словно это была какая-то именно его, Ита, часть. Часть его существа.

До этого момента он считал, что точка, которая тут возникла, – не более чем случайно открытая дорога, но потом понял, что дорога напрямую связана с тем, кто именно её открыл.

Это был кусок его души.

Его боли.

И, возможно, даже в каком-то смысле – его смерти.

Он и этот небольшой портал рядом с могилами были связаны, причём крепче, чем мать связана пуповиной с ребёнком, крепче, чем мозг и тело, чем левое и правое...

Ни в тот день, ни тогда, когда пришло понимание, он не сказал об этом. Никому. Сначала он дико испугался, потом страх прошёл, и он довольно долго размышлял над тем, как же такое

получилось и... и чем это может кому-то грозить. Тогда дела обстояли совсем иначе, не так, как сейчас, и он какое-то время подсознательно берёгся, потому что начал бояться: случись с ним что, может что-то произойти и с порталом тоже. А этого не хотелось.

Еще позже, уже через несколько лет, он понял – нет, ничего не случится. Пока он сам того не пожелает, портал будет в полной безопасности. Но ощущение оставалось всё-таки прежним...

На Терре-ноль, когда закрывали площадки, он снова ощутил нечто подобное – точно так же, как портал, именно с ним была каким-то непонятным образом связана точка на Балаклавском проспекте.

И он снова промолчал – причём даже себе не мог объяснить, почему.

...Кажется, Маден что-то поняла в тот день, в тот самый первый день, когда он установил, что эта связь существует. Уже в саду, когда шли к дому, она остановила отца, заставила сесть рядом с собой на траву и серьёзно сказала:

– Пап, ты хороший. Ты никого не будешь обижать? Честно?

– Не буду, – согласился Ит. – Честно.

– Ну и правильно, – констатировала умная дочь. – Сэфес не должны никого обижать.

Пап, а мы сегодня поедem к Владе?

– Если мама разрешит, поедem...

* * *

– Вы не сможете этого сделать.

– Смогу, – Ит всё ещё стоял в шаге от друзей. – Я его открыл. И могу уничтожить.

– Вы погибнете сами.

– И что с того? У нас жена от рака умирает. Нам будет даже проще. Хлоп, и нету. Ни нас, ни портала. Хотите проверить?

– Что вам нужно?

– Пропустите нас.

– Вы являетесь заложниками Терры-ноль, и согласно общему кодексу внутреннего распорядка Официальной службы, статья тысяча сто восемьдесят семь, параграф...

– Я наизусть знаю эту статью! И мне наплевать – и на кодекс, и на статью, и на то, что вы сейчас говорите! Повторяю: или вы в течение десяти минут предоставите нам транспорт для прохода через машину перемещения, или я сделаю то, что сказал. Убить меня вы не успеете, не надейтесь. Убьете – или меня, или кого-то из нас, неважно – лишитесь портала. Нам терять нечего.

– Ит, в доме пусто, – еле слышно произнёс Брид. – Уже очень много лет пусто. Дом законсервирован, там никого нет.

– Плохо, – одними губами ответил Ит. – Ребята, держитесь.

– Ит... – начал Скрипач.

– Тишина.

Голос всё ещё молчал. Ри, Берта, Скрипач и Мотыльки – тоже. Минута тянулась за минутой, казалось, время остановилось вовсе.

– Ваши требования. – Эмоции из голоса пропали напрочь, видимо, группа, которая контролировала портал, пришла к общему решению.

– Транспорт. Подвод ближайшей полосы к portalу и транспорт. Ближайшая – жёлтая, её и подведут. Деньги... с нашего бывшего счета, которых хватит на проход. Для всех. Это всё.

– Ваш счёт заблокирован.

– Значит, разблокируете.

– Зачем подводить полосу? – удивилась Берта.

– Полосы Транспортной Сети не являются частью территории планеты, – объяснил Скрипач. – Мы сразу попадаем в нейтральную зону, выходим из юрисдикции местного отделения службы. Малыш, он всё правильно делает, спокойно...

– Ясно.

– Ждите.

Ри шумно выдохнул.

– Ну, ты даёшь, – прошептал он.

Ит повернулся к ним.

– У тебя кровь из носа идёт, – с тревогой сказала Берта.

– Ерунда, – поморщился Ит. – Думаете, это только вам страшно?

Брид засмеялся дерганным истерическим смехом.

– А нам не страшно. Нам, блин, весело. Ты не заметил? Я ещё подумал...

– Заткнись, – приказал Скрипач. – Словесный понос – признак истерики.

– Молчу, молчу, – примирительно сказал Брид. – Что-то я и правда...

Тринадцатый показал ему кулак.

* * *

Транспортники, к их чести сказать, сработали на удивление быстро. Минут через пятнадцать все заметили несущуюся через степь точку, которая при приближении оказалась одной из машин Транспортной Сети: длинный матовый цилиндр, по бокам снабжённый двумя утолщениями – генераторами поля, удерживающего машину над землёй. Полоса, отведённая от основной, напоминала стремительно несущуюся воду, по которой и скользила машина.

Метрах в десяти от портала вся эта странная конструкция остановилась, стена машины пошла вверх.

– Если возможно, подведите ближе, пожалуйста, – попросил Ит. – Мы хотим исключить... возможные случайности.

Полоса метнулась вперёд, и через секунду они уже стояли на ней. Ри снова взял Берту на руки, а Мотыльки теперь шли сами, благо что идти было всего ничего.

– Спасибо, – поблагодарил Ит.

Уже внутри, в прохладном салоне, они буквально рухнули на сиденья, и машина тут же тронулась – всё набирая скорость, она неслась по степи обратно, к основной полосе. Девушка-таможенница, одетая в стандартную форму транспортников, изменила какие-то параметры в управлении и подошла к ним.

– Здравствуйте, – приветливо произнесла она. – Мы рады приветствовать вас на территории Транспортной Сети. Будьте любезны, сдайте пожалуйста оружие. Вы получите его после того, как завершите перемещение.

– Разумеется, – Ри, Ит и Скрипач тут же отдали ей импульсник и оба «браслета», которые девушка убрала в появившийся у её ног непрозрачный бокс. – Скажите, нам следует что-то доплатить за транспорт до терминала?

– Оплата произведена в полном объёме, – успокоила девушка. – Куда вы отправляетесь?

– А куда вы посоветуете? – живо спросил Скрипач. – Понимаете ли, нам крайне желательно подешевле и подальше. Максимально подальше. У нас тут некоторые проблемы, если вы заметили.

– Я не заметила, – улыбнулась девушка. – Если вы не определились, давайте дополнительные данные. Что вас интересует?

– Так... – Ри задумался. – Какой-нибудь человеческий мир, уровень от четвёртого до шестого, не одиночный, но и не в слишком большом конгломерате.

– Индиго, Маджента?

– Не имеет значения. Что-нибудь такое... демократичное. Подходящее для временного проживания. И недорогое.

– Первичный? Экспансия?

– Первичный, – не задумываясь, ответил Ри. – Но если не получится первичный, придётся смотреть экспансию.

– Секунду... В пределах кластера – четыре тысячи вариантов. Дополнительные параметры?

– А если не этот кластер? – подался вперёд Ит. – Посмотрите, пожалуйста, противоположный на этом мегасиуре.

Девушка удивлённо глянула на него. Потом протянула руку к стене, вытащила откуда-то довольно большой зеленоватого оттенка то ли платок, то ли что-то похожее. Ит взял платок – ага, понятно. Она решила, что он разбил нос. Ну правильно, у нормальных людей и нелюдей кровь из носа ведь идти не может.

Седьмой уровень, высокая фаза, и девица – явно из Мадженты. Её даже жалко, она целую минуту держалась, старалась не подавать виду... Впрочем, это неважно.

– У вас идёт кровь, – испуганно сказала она. – Вам вызвать врача?

– Просто лопнул сосуд, – Ит усмехнулся. Приложил платок к лицу – приятная прохлада, чуть заметный пряный запах. – Сейчас само пройдёт. Посмотрите, пожалуйста, противоположный кластер.

С минуту девушка молчала, потом вывела перед собой список.

– Две тысячи вариантов. Давайте уточним параметры.

Ри принялся перечислять – наугад, что в голову приходило. Исключил миры с жарким климатом, потом – принимавшие участие в военных конфликтах, потом – не толерантные к чужим расам, потом – не имеющие естественных морей, потом – с откорректированным годовым циклом, потом – с количеством мировых религий больше десяти, потом – вступившие в Транспортную Сеть больше четырёхсот лет назад. Берта и Мотыльки смотрели на него непонимающе, а Ит и Скрипач уже сообразили, что он делает, поэтому сидели рядом с Ри, что-то подсказывали и тихонько про себя посмеивались.

После ввода основных параметров Ри ввёл дополнительные, составил список... и вернулся к предыдущему, первому.

– Не устраивает? – поинтересовалась девушка. Ри кивнул. – Мне тоже показалось, что первый список был интереснее.

– В любом случае, спасибо, – Ри встал. – Мы назовём точку выхода после прохождения таможни.

Девушка согласно улыбнулась.

* * *

Таможню прошли, против ожидания, легко. Ри и Скрипач больше всего боялись, что могут возникнуть трудности с Мотыльками, но Ит вовремя сообразил и сумел уговорить таможенника провести их не как разумных, а как... домашних животных. Брид попытался было возмутиться, но Тринадцатый тут же окоротил его: какая разница, денег мало, надо экономить, и если можно хоть на чём-то хоть что-то выиграть, этим надо пользоваться.

Таможня на Орине представляла собой зал в форме вытянутого эллипса, который сейчас освещался светом яркого полуденного солнца, льющегося через огромные окна в его крыше. Народу оказалось совсем мало, впрочем, это как раз было неудивительно – населения на планете жило всего ничего. Редкие посетители таможни оглядывались им вслед с недоумением.

– Не обращай внимания, – шепнул Ит, заметив Бертин удивленный взгляд.

– Это из-за ноги? – спросила она с горечью.

– К сожалению, да, – не оборачиваясь, произнёс Ри. – Из-за ноги, из-за Мотыльков... из-за всего подряд.

– Кстати, о ноге, – Скрипач остановился. – Наша очередь ещё не подошла, поэтому бегаю-ка я кое-куда.

Он сунул Иту в руки свой рюкзак и действительно чуть ли не бегом кинулся в дальнюю часть зала. Ит несколько секунд недоумённо глядел ему вслед, потом хлопнул себя пол лбу и сел на пол.

– Бертик, прости, но я идиот, – сообщил он.

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Ри. – А по какому поводу ты сейчас идиот?

– По такому же, что и ты, – огрызнулся Ит. – И ещё склеротик. Старый.

– Чего?

– Подойти и взять временный биопротез религия не позволила? – Ит удручённо покачал головой. – Проход оплачен. А времянка копейки стоит. Одичали мы там... подозреваю, что сильнее, чем думаем.

– Я не поняла, о чём вы говорите, – Берта нахмурилась. – Биопротез?

– Ну да, – принялся объяснять Ит. – Он ничего не даёт на самом деле, но ходить кое-как можно. Не очень удобно, конечно, но всё-таки лучше, чем так, как сейчас. Нам ведь придётся довольно долго пробыть на ногах, понимаешь...

– Ит, потом, – приказал Ри голосом, не терпящим никаких возможных возражений. – Всё потом.

– Да, конечно. В общем, увидишь. К сожалению, ничего другого взять не получится.

Берта посмотрела на него пристально, нахмурившись, словно чего-то ожидая. Потом покачала головой.

– Что-то у меня слишком много мыслей... не самых хороших, – призналась она через минуту. – Ит... тебе не кажется, что мы все массово превратились в каких-то наиподлейших эгоистов, а?

– Кажется, – кивнул он. – Превратились. Все, кроме тебя.

– А я чем лучше? Я мало что эгоистка, я ещё и дура. Ведь могла догадаться, что тут... несколько комфортней, чем там. Вы ведь отчасти из-за меня там сидели, так?

– Отчасти, – кивнул он. – Родная, ты знаешь всё даже лучше, чем я. Потому что ты умнее. И чувствуешь иначе.

– А из-за чьего эгоизма мы сейчас сидим здесь? – горько спросила она, хотя и так знала ответ.

– Моего, – беззвучно произнёс Ри. – И Рыжего.

– И моего, – добавил Ит. – Я не хочу, чтобы ты умерла.

– А может быть, моего? – спросила она с усмешкой. – Может быть, я тоже не хотела умирать и... и поэтому стала искать выход, который позволил бы мне спастись?

– Мы все хороши, – констатировал Скрипач, ставя на пол рядом с ними какую-то сложную конструкцию, с ногой имеющую лишь очень отдалённое сходство. – Бертик, давай помогу, и пошли. Время, время. Надо поторопиться.

– Господи, что это?!

– Оно сейчас подстроится под тебя и сложится. Не бойся, это секунды. Так, мелкие, а ну быстро в мешок! Брид, не делай такое умоляющее лицо, пожалуйста. Давай, давай...

Ит объяснил, что для использования протеза делать ничего не нужно, просто вложить культю в углубление и немного постоять спокойно. Действительно, конструкция тут же пришла в движение, и через полминуты псевдонога обрела очертания, более или менее похожие на настоящую.

– Попробуй, – предложил Скрипач. – Бери и шагай.

– Я уже забыла, как это делается, – с тревогой произнесла Берта. Ит поддерживал её под локоть. Она с опаской приподняла ногу. Покачнулась, едва не упала, но сумела удержать равновесие. Сделала ещё шаг, и ещё, уже гораздо более уверенно.

– Вот это да, – констатировала она. – И совсем не больно. И не давит.

– Ну и отлично, – кивнул Скрипач. – О, вон Мастер за нами идёт. Это уже точно за нами, больше никого нет на очереди. Ну что? Двинулись?

* * *

Дальнейшие сутки Берта запомнила как какой-то сумасшедший калейдоскоп; картинки накладывались друг на друга, и воспринимать получалось только какие-то отдельные фрагменты. Всё происходило слишком быстро, почти без передышек, и не было, совсем не было времени, чтобы остановиться и хоть немного опомниться.

...Вот они все – на следующей таможне, Ри на повышенных тонах разговаривает с кем-то из Мастеров, и вот уже маленькая летающая платформа несёт их куда-то к вершине холма, на котором стоит машина. Проходим без очереди, приоритетом оказалась её болезнь, разрешили, пропустили. Лиловое полупрозрачное облако, в которое превратился блок, звон в ушах – и над головой уже следующее небо, а рядом стоит другой Мастер...

...Огромный многоуровневый город, сияющий, сверкающий. «Столица конгломерата, нам нельзя тут задерживаться, малыш. Идём...» Бесчисленные луури вокруг, красивая гор-танная речь, яркие, как оперение экзотических птиц, одежды. Космопорт – в самом центре города. «Куда мы?» Оказывается, в Транспортную Сеть входить уже нельзя, мы пойдём через Сеть Ойтмана; вот этот корабль через час уже будет в портале. Очень хочется остановиться и посмотреть, ведь так красиво – но уже тянут за руку, и ужасно болит в груди, но говорить про это нельзя, они правы, надо спешить, надо, надо...

...Ультрамариновое небо над головой, зелёные облака – нет, это имитация, на самом деле тут уже давно нет никакого неба, это пересадочная станция, у Ойтмана есть стационарные порталы. Вокруг – луури и нэгаши, одежда гораздо скромнее, лица у большинства луури озабоченные, встревоженные. Нам не в портал, нам вон туда, видишь это ржавое корыто? Ничего себе ржавое корыто! Красивый корабль, очертания корпуса похожи на дельфина. Я не знаю, через какой тип прохода мы пойдём, если Вицама-Оттое, то хорошо, а если через Сайгала, то может и тряхануть, но ты потерпи, пожалуйста...

...Степь, очередной космопорт, который на поверку и не космопорт – сверкающая воронка километрах в двух, и в эту воронку, словно под землю, уходит чудовищных размеров корабль, чёрный, матовый; да, это военный сапорт, лучше зажмурься, не смотри. Кто-то, кажется, Скрипач, принёс стаканчик с каким-то напитком – солоноватый терпкий привкус, и сразу боль становится меньше, и дышать легче; солнышко, спасибо... А где мы? Родная, неважно, но нам надо очень и очень сильно спешить.

...Станция, висящая в пространстве: усечённая, словно бы из бронзы сделанная пирамида, вычурно украшенная, некогда, видимо, богатая... сейчас – в одном углу зияет прореха, через которую видны звёзды. Нет, это не они её строили, это бывший корабль конклава Санкт-Рена, брошенный, его просто приспособили под станцию, он не принадлежит этой расе. Да, последний проход через Вицама-Оттое, и всё, уже почти всё. Боль в груди снова нарастает, но её глушит усталость, и вообще, от этой усталости голова уже не соображает, и ужасно хочется спать, а Мотыльки давно уже спят, и рюкзак с ними кажется ужасно неповоротливым и тяжёлым.

...Тёмное, почти чёрное небо, на котором непривычно мало звёзд; цепочка огоньков, тянущаяся через поле, слабый запах степных трав, и кажется, пахнет клевером... да нет, не клевером, просто немножко похоже. Полтора десятка людей, выбравшихся из корабля на траву,

транспортная платформа, на которую все тут же взобрались, полёт – а позади расцветает синий цветок, это корабль стартует, тот самый корабль, на котором они только что сюда прилетели, и сияние меркнет, цветок всё выше и выше, и вот над степью снова лишь темнота и слабенько светят чужие звёзды.

– Дождь будет, – Ит стоит рядом, подняв голову, всматриваясь в даль; и Скрипач тоже, и Ри – и все они почему-то улыбаются, и совершенно непонятно, почему.

– Где мы? У нас получилось?..

– Да, – Ит поворачивается к ней, и на лице у него – выражение, которое она вообще никогда до этого не видела. Сейчас он заговорщик, и заговор удался. – У нас всё получилось.

– Но что это за планета?..

– Это Окист.

04

Шестеро

Окис

Нет прощенья

Квартиру они сняли в первый же час, и стоила она сущие гроши. Ярус был практически заброшен; по словам агентши, которая их провожала, лишь в другом конце этого яруса, в полутора километрах отсюда, жила какая-то семья, тоже из мигрантов. У них куча детей, пояснила агентша, они ждут очереди на рассмотрение вступления в расовый клан, и им сейчас вообще ни до чего, работают день и ночь, чтобы накопить нужную сумму. Беспокоить друг друга вы не будете.

...Саприи, главное кадастровое поселение на планете, представлял собой действительно уникальное сооружение: стабилизированный склон горы, в который был, по сути дела, встроен огромный жилой комплекс. Нижние ярусы начинались метрах в пятидесяти над землёй, а верхние находились на высоте полутора километров. Сара с гордостью сообщила, что Саприи – название переводилось как «дом» – продолжает расти и дальше, пусть и очень неспешно: вполне возможно, что в следующем году высота увеличится ещё метров на пятьдесят. По крайней мере, проект уже есть. И если получится, его удастся провести. Сейчас против надстройки проголосовали жильцы верхних, самых престижных ярусов. Вид там потрясающий, техника и качество строительства ультрасовременные, и понятно, почему цены на жильё там зашкаливают за пределы разумного...

– Квартира неплохая, но, понимаете ли, сороковой ярус давно уже не котируется. Далеко до эллингов, доставка еды запаздывает, можно до получаса ждать, да и вид из окон бедноват. Зато четыре комнаты, большая столовая, и...

– Столовая – в квартире? – удивился Ит.

– Ну да, – агентша замялась. – Я же говорю, квартира старая, автономная.

– Для нас это непринципиально, – улыбнулся Скрипач. – Разве что лифты... далеко?

– Нет, близко, буквально напротив, десять секунд от двери. Вы будете заказывать мебель?

– Обязательно, – кивнул Ри. – Причём сразу же. Скиньте мне каталог.

– А мне, пожалуйста, каталог медицинских услуг, – попросил Ит.

– Люди, мы есть хотим? – поинтересовался Скрипач.

– Очень, – ответил за всех Ри. – Сара, скажите, что с оформлением вида на жительство?

– Ну, поскольку вы проплачиваете сразу, ваш вид на жительство будет готов через час.

Роберта... Ольшанская-Соградо, да?

Берта кивнула.

– У вас оформление на пять лет... ага... ваши документы готовы, вы внесены в реестр жителей Саприи; без избирательных прав; без прав на детей; без прав на личный транспорт. Эти права получают отдельно, потом почитаете.

Берта кивала в такт её словам, но половина слов оставалась где-то за кадром. Она ужасно устала, виски ломило, нога и грудь болели, и очень хотелось лечь. И подремать хотя бы полчаса. Ит, конечно, это заметил, но лишь сочувственно развёл руками. Потерпи, мол. Совсем чуть-чуть.

Агентша продолжала рассказывать, а Берта её потихоньку рассматривала. Красивая невысокая женщина. Тонкая кость, очень изящные движения. Копна черных, мелко выющихся волос, немного острые черты лица, выразительные глаза. Одежда просто замечательная и удобная даже на вид – полупрозрачная кофточка, под которой угадывается более чем целомудренно выглядящая маечка, бриджи до колен, гольфы в тоненькую полоску, и что-то напоминающее то ли кеды, то ли балетные тапочки...

– Ри Нар ки Торк, гражданство Анлион... простите, тут не указано... – Сара замялась. – То есть указано, что вы больше не являетесь гражданином...

– Всё немного не так, – мягко улыбнулся Ри. – У меня временная приписка к другому миру, но в документах она не отражена.

Ит покивал.

Ещё бы, «не отражена».

Официальная служба предпочитает о своих внутренних делах помалкивать. Поэтому сейчас они ничем не рисковали: информация о том, что они все – заложники, доступна только другим официалам. Для всех остальных их просто в этом мире нет. Нет вообще. Старые связи оборваны. Приписки уничтожены.

Для всего остального мира они, считай, мертвы. Собственно, примерно так и есть, ведь заложники никогда не покидали своих планет-тюрем. Ни разу. Кажется, ни разу. Жаль, нет возможности проверить.

Вот только тут Официальная случайно сыграла против себя – и грех этим не воспользоваться.

– Мы длительное время работали по контракту в мире первого уровня, – уверенно продолжил Ри. – И если бы не жизненные обстоятельства, мы, с высокой долей вероятности, остались бы там и дальше. Мира в реестре нет. Поэтому ни о какой приписке не может идти и речи.

– Вы можете послать запрос по старым данным, – предложил Ит с улыбкой. – Просто для подтверждения того, что мы и в самом деле существуем.

Скрипач согласно покивал.

Сейчас они ничем не рисковали – и он отлично это знал. Не станет милая Сара подавать такой запрос. Это дорого, и это может вылиться в ещё большие расходы. А они платят здесь и сейчас, причём наличными. Беглецы? Вполне возможно, вот только тут, в захолустье, никому нет никакого дела до этого. По крайней мере, до того момента, пока этим беглецам не вздумается нарушить какое-то правило. Нарушат – последует обращение в отделение Официальной службы. Не нарушат – могут всю жизнь тут прожить, и Официальная про них даже не узнает. Корабль, на котором они прибыли, прошёл через проход Вицама-Оттое, это в два десятка раз дешевле, чем Транспортная Сеть, и... эти перемещения нигде не фиксируются.

Что ж, у каждого свои резоны.

Видимо, у этого потрепанного семейства с одноногой женщиной тоже есть резоны... и есть кэш, а это самое главное. Женщину жалко. Ужасно уставшая, худенькая, сторбленная, биопротез этот уродский...

Следующие слова, произнесённые Итом, целиком и полностью подтвердили догадку Сары – и она обрадовалась собственной проницательности.

– Наша жена тяжело заболела, именно поэтому мы разорвали контракт, – пояснил он.

«Полиандрия? – Сара немного удивилась. – Впрочем, почему бы нет. Судя по всему, они братья, может, у них так и принято».

– Мы собрали всё, что заработали, чтобы добраться сюда и оплатить ей лечение. Самим нам, вероятно, через какое-то время потребуется уехать, чтобы работать дальше.

– Попробуйте обратиться в Гильдию сельского хозяйства, – оживилась Сара. – Думаю, вы сумеете найти вполне пристойную работу...

– Мы уже завербовались, – Ри развёл руками. – Может быть, после окончания контракта мы так и поступим. Но сейчас – увы. В любом случае, спасибо вам за предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.